

A portrait of a man with dark hair, wearing a dark suit, white shirt, and a patterned tie. He is looking directly at the camera with a neutral expression. The background of the portrait is a soft, out-of-focus landscape with green trees and a blue sky with white clouds.

Владимир
ВЕЛИКИЙ

ВЕХИ МОЕЙ ЖИЗНИ

(Воспоминания и размышления)

18+

Владимир Великий
Вехи моей жизни

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Великий В.

Вехи моей жизни / В. Великий — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Очередная книга автора – автобиография, описание его жизни. Жизненный путь офицера, ученого, писателя был довольно сложным и тернистым. Его попытка выступить против устоев тоталитарного режима в СССР закончилась трагически. Его насильно упрятали в психушку. Многие годы он находился под контролем партийных и других органов. Отличительной особенностью автора является и то, что он всегда и везде, при любых обстоятельствах оставался порядочным человеком. Своим принципам не изменял. Его кредо: «В жизни независимый. Перед партиями, вождями и клерками не пресмыкался».

© Великий В., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ.	5
ГЛАВА ВТОРАЯ.	35
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Владимир Великий

Вехи моей жизни

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО

Детство... Как много всего заложено в этом отрезке жизни человека. Детство волей Божьей дано каждому, и каждый счастлив тем, что он появился на свет мирской и заявил о себе как Человек.

В один из сентябрьских дней (25 сентября 1950 года) в глухой сибирской деревне Драгунка в семье Владимира и Марии Коза появился мальчик, который криком младенца возвестил селян о своем появлении. Без всякого сомнения, в этот сентябрьский поздний вечер появились сотни новорожденных на Земле и всем им предстояла своя жизнь, с ее радостями и проблемами. Владимир, так нарекли первенца, рос, как и многие деревенские дети, в малообеспеченной семье. Родители были простыми колхозниками, перебивались чем Бог послал, да и тем, что зарабатывали на поприще сельской нивы в колхозах. Сказать, что они были нищими, нельзя. Молодость давала надежду и возможность на выживание.

Несколько слов о моих предках. К большому сожалению, мне не удалось в полном объеме установить свою родословную. Даже и уже будучи взрослым человеком. И эта проблема не только моя. Она общая для миллионов людей, в первую очередь, жителей бывшего Советского Союза. К сожалению, общество, в котором мы жили, не научило по-настоящему уважать и ценить труд своих предков, их вклад в наше настоящее и будущее потомков. Есть в этом вина и каждого из нас.

То, что мне удалось найти о жизни моих предков были лишь небольшие крупички. Мой дед по материнской линии Яшин Николай Никитич, русский, год рождения – январь 1909 года, как и его предки, были коренными сибиряками. Член колхоза «Красная звезда» с 1931 года, Называевский район Омской области. Дедушка был человеком необыкновенной судьбы и не только это. Это был мужчина мощного телосложения и почти двухметрового роста (199 см). По воспоминаниям моей бабушки Елизаветы Яшиной по силе ему не было равных на всей округе. Он сбивал ударом кулака лошадь.

Вся последующая жизнь моего деда, деревенского кузнеца была связана с воинской службой, затем с войной. Сначала он служил 3 года в Красной Армии, затем участвовал в советско-финской войне. В феврале 1940 г. в составе 7-й армии Северо-Западного фронта прорывал оборону «линии Маннергейма», комплекс финских оборонительных сооружений, до этого считавшийся неприступным.

После короткой передышки Яшин Николай, как его и трое братьев-богатырей (самый «низкорослый» – 193 см), были призваны в годы Великой Отечественной войны на фронт для защиты своей родины. Мой дед принимал участие во многих боевых операциях. Он оборонял от фашистских захватчиков Москву, защищал Сталинград, несколько позже освобождал Европу. Он был также и среди тех, кто дошел до Берлина. Затем его направили на Дальний Восток, участвовал в разгроме Квантунской армии Японии. Пожить под мирным небом моему деду не удалось. Он умер 01.03.1950 года. Причиной этому стали ранения и болезни. Боевые награды, их было около дюжины (среди них медали – «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Японией»), вдова положила в гроб покойника. Несколько слов о братьях моего деда. Все они погибли. Один из них погиб на ступеньках рейхстага 8 мая 1945 года, погиб от случайной (шальной) пули.

Родители моей бабушки Яшиной Елизаветы Андреевны (по материнской линии), жившие в Черниговской области, в конце 20-х годов прошлого столетия были раскулачены и высланы из Украины в Сибирь. У них в хозяйстве было 10 коров и 5 лошадей. Раскулачили, невзирая на то, что была большая семья и все члены семьи работали с раннего утра до позднего вечера. И при этом не использовали наемных работников. Сейчас лишь можно предполагать, что молодая украинка (к сожалению, я ее девичью фамилию знал, но забыл, но то, что она была чисто украинской, я нисколько не сомневаюсь) нашла свою любовь в глухой деревушке сурового сибирского края.

Образ моей бабушки, ее след остается в моем сознании, в моей душе до сих пор. Безграмотная женщина вынесла все, что выпало на ее судьбу. Она многие годы вынуждена была жить без мужа. Не сломили ее и невосполнимые утраты – смерть близких людей. Сначала умер муж, затем трагически погибла дочь Галина, несколько позже умерла другая дочь – Мария. Несмотря на семейные проблемы и тяжелую физическую работу (она многие годы работала птичницей в колхозе), вдова была для близких людей и односельчан примером во всем и всегда. Я, как внук, был поражен ее трудолюбием, порядочностью, честностью и мудростью.

Благодарен я бабушке и за очень многое другое. В частности, за ее поистине глубокие познания в сфере народной медицины. Благодаря ей моя мать и мой брат в разные годы не стали инвалидами. Поездки самых близких мне людей в районную поликлинику г. Называевска не увенчались успехом. Мало того, они вернулись со слезами. Решение врачей было однозначным – матери ампутировать ногу, которую она сломала в годы своей молодости. Брату предстояло ампутировать руку, которая сильно опухла после падения на велосипеде. По рекомендации бабушки Елизаветы за лечение женщины взялась повитуха из соседней деревни, которая очень искусно вправила кость. Подростку же помогли настойки, которая делала бабушка из разных трав, чем так богата сибирская природа.

Поражало меня и набожность моей наставницы. Относительно молодая женщина каждый день в определенные часы опускалась на колени и молилась перед иконой, которая сто-

яла на специальной подставке в углу комнаты. Будучи подростком, я многое запомнил из ее молитв. Удивляло и то, что она никогда в своей жизни не ездила ни на электропоезде, ни на машине. Я приятно удивился, когда она ради меня сделала исключение. Внук, офицер Советской Армии из ГДР пригнал цвета «белые ночи» легковой автомобиль «Волга – 21» и пригласил свою бабушку прокатиться по деревне. Она охотно согласилась. Кое-что в ее поведении меня вообще удивляло. Пожилая женщина, проработав в колхозе и совхозе более полувека, наотрез отказалась получать пенсию. Она была, несмотря на огромный трудовой стаж, мизерной, но все-таки... Мои уговоры и просьбы на получение денежного обеспечения за выслугу лет не помогли.

Моя попытка сделать это втайне, к моему большому сожалению, не увенчалась успехом. Чиновник из районного центра, выслушав мой монолог, был очень краток. Пенсия начисляется только с момента подачи заявления. Личное присутствие претендента строго необходимо. Светлой памяти моей бабушки я посвятил роман «Исповедь изгоя» (Днепропетровск: Пороги. – 2008. – 248 с.).

Скорее всего, аналогичная судьба была и у предков моего деда Коза Михаила Григорьевича (по отцовской линии). По национальности он был украинец, 1903 года рождения. Мой дед, житель деревни Драгунка, одно время был разнорабочим, затем лесничим. Удалось мне узнать кое-что и о моем прадеде по отцовской линии, переселенце из Украины. Тысячи украинцев, спасаясь от голода, безработицы и нищеты, в начале 1890-х годов устремились в Россию в поисках лучшей жизни. Среди них была и семья Коза. Мой прадед Григорий был мастером на строительстве Транссибирской магистрали (Великой Сибирской магистрали). Я, как правнук, очень рад, что он участник величайшего достижения России, которое превосходит любую железнодорожную линию на нашей планете.

Мой отец Коза Владимир Михайлович сначала работал бригадиром дойного гурта, затем бригадиром молодняка. Моя мать Коза (Яшина) Мария Николаевна работала несколько лет дояркой, затем ухаживала за совхозными молодыми телятами. Отдал я дань уважения и моим родителям. Их светлой памяти я посвятил свои романы «Записки любовного эмигранта» и «Сатана».

Мои родители:

Коза Владимир Михайлович Коза (Яшина) Мария Николаевна
(1929–1990) (1930–1969)

«Для Владимира родители были примером в жизни, моральным чистилищем. Уже в более зрелом возрасте юноша прекрасно осознавал, что его родители простые крестьяне. Они не дали ему богатства, квартир, машин, хотя трудились не покладая рук. Особенно доставалось матери, которая работала дояркой. Мальчику было стыдно, когда мать вставала в четыре часа утра и кроме семейных забот успевала просмотреть форму своего единственного сына. Володя стремился помогать родителям, как только мог. Значительную часть ухода за скотиной он брал на себя. Главным для себя считал отличную и хорошую учебу и это ему, в принципе, удавалось. Он очень был рад, когда мать или отец приходили с родительских собраний и его хвалили. Учителя всегда ставили Владимира в пример другим. Для него родители были всей его жизнью, его надеждой на будущее». (См.: Владимир Великий. Записки любовного эмигранта. – Днепропетровск: Полиграфист. – 2002. – с. 31). Любовь родителей к детям, как и любовь детей к родителям – общечеловеческая черта цивилизованного общества, красной нитью проходит практически через все романы писателя. Достаточно привести еще одну выдержку: «Сын, наслаждаясь тишиной немецкого леса, несколько раз перечитал письмо своей матери. Во время чтения юноша очень внимательно вглядывался в строчки, написанные химическим карандашом. Некоторые из них были с фиолетовыми подтеками, мать плакала. Пятна от высохших слез Александр довольно часто ласково гладил ладонью и прижимал к губам. Солдату хотелось в это время хоть на какие-то доли секунды, а может даже и на всю жизнь, перенять трудности и лишения своей матери... Антонида Кузнецова в письме к сыну написала только толику правды. Ей не хотелось причинять ему боль, который всегда и особенно в этот миг ее трудной, еще короткой жизни был самым близким и родным человеком на этой земле». (См.: Владимир Великий. Клятвоотступник. – Днепропетровск: Пороги. – 2008. – с. 82–83). Краткий экскурс в историю моих предков свидетельствует о том, что мы, к сожалению, нередко предаем забвению, утрачиваем память о наших родителях, соотечественниках. Подобное – явление безнравственное, что противоречит канонам цивилизованного общества.

Нашла отражение в моих книгах и история моей малой родины. Автор в одной из книг пишет следующее о своей деревне: «Кстати, об истории создания деревни Драгунка, «малой родины» сельчане не знали. Почему она так называется, никто не мог объяснить. Правда, люди постарше говорили, что через поселение, в период его возникновения, проходил драгунский полк, который на какое-то время в этих местах останавливался на привал. Нет единой точки зрения и на дату образования деревни. Одни источники говорят, что деревенька образована в 1805 году, то есть до появления железной дороги, другие указывают другую дату – 1826 год... В большинстве своем сибирские деревни имеют малопривлекательный вид. Драгунка не была исключением. Она состояла из трех улиц: самая длинная улица брала начало «от кустов» до магазина – называлась «слободой», две другие, параллельные друг другу, берущие свое начало от магазина и идущие в сторону маслозавода, назывались «хохлами». Несколько позже ее назвали «Заводской». Правда, была еще и «зеленовка», улица, расположенная вдалеке от магазина, на которой было всего несколько домов... Самой длинной по протяженности и плотности населения была «слободка», дома здесь строились чуть-чуть красивее, да и грязи здесь было чуть-чуть меньше». (См.: Владимир Великий. Записки любовного эмигранта. –

пропетровск: Полиграфист. – 2002. – с. 13).

Дом, где я родился. Улица Слободская деревни Драгунка (1993 г.)

Несколько позже мне все-таки удалось, опираясь на ряд источников, в значительной степени расширить знания о своей малой родине. На рубеже XVIII–XIX веков солдаты и казаки Николаевской крепости, стоявшей в 20 верстах южнее современной границы Называевского и Москаленского районов Омской области, хорошо изучив обширный озерный массив, носивший тогда, как и теперь, тюркское наименование Бутурлы, решили обосноваться. Озера соединялись протоками не только друг с другом, но и с Ишимо-Иртышской речной системой. Они изобиловали рыбой и водоплавающей дичью. Вокруг них росли березово-осиновые леса, имелись пустоши для пастбищ и сенокоса.

Истоки образования деревни Драгунка связывают с отставным драгуном, который в начале XIX века поселился и завел свое хозяйство возле одного из бутурлинских озер, которое получило название «Драгунское». В царской России и других иностранных армиях: драгун – военный некоторых частей кавалерии, предназначенных действовать как в конном, так и в пешем строю. В 1805 году сюда переселились крестьяне-старожилы Чернолуцкой волости Иван и Савелий Кузьмины, Тимофей Романов, Михаил и Егор Бачины. 1805 год считается годом основания Драгунки. В 1805–1807 гг. деревня состояла из 7 дворов. Несколько позже началось подселение крестьян из близлежащей округи.

История моей малой родины, как и тысячи ей подобных, неразрывно связана с историей огромной страны, имя которой Россия, Советский Союз. Не обошла стороной небольшую деревеньку Первая мировая война и Гражданская война.

Годы гражданской войны в Называевском районе были наполнены значительными событиями, оказавшими большое влияние не только на жизнь Омской области, но и на всю Россию. После краткого периода установления советской власти Омск с 1918 года становится центром антисоветского движения в Сибири. В результате переворота 18 ноября 1918 года власть от Временного Сибирского правительства перешла к адмиралу Колчаку, провозгласившему себя верховным правителем России. В Омске в период колчаковщины находились так называемое Российское правительство, Правительствующий Сенат, командование Сибирской белой армии, представительства ряда иностранных государств, золотой запас России. Под руководством Сибирского областного комитета РКП(б) и Сиббюро РКП(б), которые действовали в подполье, развернулось мощное антиколчаковское движение. Составной частью этого движения были также и жители многих деревень Называевского района. Оставила свой след в истории гражданской войны и деревня Драгунка. Период с августа по ноябрь 1919 года был для белогвардейцев трагическим, они отступали. В деревне Фомиха остановился отряд белых. Солдаты и офицеры заняли не только избы, но и нежилые строения. Кое-кто из них сжигал документы, списки личного состава и т. п. Затем прискакал нарочный и сообщил о приближении красных. Не дожидаясь рассвета, отряд покинул Фомиху, но вскоре он был настигнут у деревни Драгунка. В ночь с 12 на 13 ноября 1919 года здесь произошел ожесточенный бой, в ходе которого колчаковцы были разбиты. 14 ноября 1919 года части Красной Армии заняли Омск и восстановили советскую власть в регионе. Пережили мои односельчане массовую коллективизацию и волну сталинских репрессий. Несколько драгунцев оказались в застенках лагерей и только спустя десятилетия были реабилитированы.

С гневом и возмущением встретили жители моей малой родины известие о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 года, и в этот же день в Называевский военкомат поступили десятки заявлений от местных жителей с просьбой отправить их добровольцами в действующую армию. Массовая мобилизация мужчин 1905–1918 года рождения началась на следующий день. Всего на фронтах Второй мировой войны воевало 8900 называевцев, 4500 из них пали в боях за Родину. Мои земляки также принимали участие в боевых действиях практически на всех фронтах. Всего в

годы войны из Драгунки было призвано более 120 человек. Среди них были и мои родственники.

Некоторые жители деревни воевали в составе знаменитых на весь мир сибирских полков. Благодаря им вал немецких армий был остановлен у самого порога столицы СССР – Москвы. Подхода сибиряков Москва ждала с великим нетерпением – промедление грозило смертью. Писатель П. Павленко, корреспондент газеты «Правда», свидетельствовал: «Они прибыли в разгар великой битвы. И в ту же ночь зазвучал сибирский говор к западу от Москвы. По деревням Подмоскovie сразу же пронеслось: «Сибиряки подошли...». Они ударили по немцу с ходу. Пехотинцы, разведчики, артиллеристы, они влились в ряды защитников Москвы свежую сибирскую кровь...».

Мои земляки с честью выполнили свой гражданский и воинский долг перед Родиной, перед своими семьями. Многие были награждены боевыми орденами и медалями. Некоторые пришли с поля сражений раненые, часть из них позже умерла. К сожалению, не обошлось и без потерь. После войны прошло уже несколько десятилетий, но до сих пор ведутся поиски по выявлению неизвестных героев, места их захоронений.

Автор принадлежит к послевоенному поколению, которое не слышало разрывов снарядов и свиста пуль. Не испытали мои ровесники в полном объеме и чувство голода. Однако последствия войны нас не обошли.

Я, будучи несмышлёным подростком, сначала удивлялся, почему в нашей деревне и вокруг многие женщины жили одни. Лишь несколько позже понял, из-за чего они стали вдовами, вечными солдатками. Испытали всю тяжесть военной години и те, кто остался в деревне. Женщины, старики и дети сели за рычаги тракторов, работали на полях и ферме. Чем дальше удаляются от нас эти события, тем зримее ощущается неповторимый трудовой героизм тружеников тыла. За очень короткий промежуток времени они смогли мобилизоваться в единое целое, что позволило первому в мире государству рабочих и крестьян выйти победителем в схватке с империализмом. И в этом была заслуга и моих земляков, жителей Называевского района Омской области.

Война показала, что всё колхозное крестьянство проявило высокое гражданское сознание и ни с чем не считалось, лишь бы победить врага. Хлеб для армии, для рабочих шёл бесперебойно, хоть оставались в деревне старики, женщины и дети. В трудную пору жители села собирали миллиарды рублей на самолёты и танки. Страна объединилась в единый кулак. Подобного союза не было в истории человечества, ни в одной книге прошлых веков не записано ещё такого подвига.

Усталый, измученный, но не сломленный народ возвращался к мирной жизни. В Драгунке вновь закипела жизнь на полях и фермах, росло хозяйство, повышался уровень жизни крестьян... Послевоенное время для жителей села было далеко не мед. Ради восстановления разрушенного народного хозяйства, лишнего килограмма мяса или литра молока на благо общества, они отдавали все свои силы. Многие годы мои односельчане не имели паспортов, не говоря уже о каких-либо отпусках. Свободного времени у селян практически не было. Аналогичное положение было не только в Драгунке, но и в большинстве сел огромной страны под названием СССР.

Несколько слов о жизни моих предков, людей более старшего поколения. По этому поводу скажу однозначно. Их детство, как и вся их жизнь, была очень трудной, порою даже невыносимой. Все тяготы и лишения войны тяжелым бременем опустились не только на плечи их родителей, но и на плечи молодого поколения. История жизни наших предков, благодаря которым существует нынешнее поколение, есть ничто иное как яркий пример порядочности, человечности. И еще. Мы дети своего времени. Однако такие понятия, как родители, дети, малая родина не подвластны исторической коррозии. Не подвластны они также партиям или диктаторам. И это объясняется очень просто. Они фундамент цивилизации, притом любой

цивилизации. Без них ни одно общество существовать не может. В случае малейшего дискомфорта в этой сфере оно неминуемо погибнет.

Теперь о моем поколении. Скажу однозначно. Это самое лучшее поколение в истории нашей страны, да и всего человечества. Мало того. Оно по своему содержанию уникальное, благословенное поколение. Рожденные после войны получили Божий дар жить в условиях мира, в который не врывались массовые насилия или погромы. И в этом мы обязаны своим дедам и отцам, которые отстояли и спасли нашу страну от нашествия гитлеровской Германии. Надеждами о лучшем обществе, имя ему социализм, который провозглашал мир, свободу, равенство и братство всех народов, жили победители и их дети. За идеалы социализма также погибали и те, кто защищал независимость нашего Отечества.

Молодые люди 70-х годов прошлого столетия, к ним относится и автор, основа и гордость Советского Союза. Наше поколение никто и никогда не называл потерянными поколением, лишним поколением. Этому способствовали и успехи Советского Союза, как в строительстве социализма, так и на международной арене. Образование мировой системы социализма, распад колониальной системы империализма значительно укрепили позиции сил мира и прогресса. Радовала нас и относительно стабильная обстановка в мире.

Вместе с тем, нельзя отрицать и то, что среди «золотого» поколения были и есть подонки, перевертыши, приспособленцы. Скорее всего, это не есть недостаток воспитания. Это результат несовершенства той системы, которую я на протяжении всей своей жизни намеревался изменить.

Ради справедливости надо сказать, что моя жизнь, как и многих моих сверстников, была не столь и безоблачной. И это в большей степени определялось теми, кто стоял у руля власти. В мою бытность на ее вершине было 8 человек. Только благодаря им и их приспешникам на территории огромной страны происходили «великие преобразования», в числе оных были коллективизация, продразверстка, игры в перегонки с Америкой, продовольственные и жилищные программы и т. п. 50-е – 60-е годы прошлого столетия для сибирской деревни были особенно тяжелыми. Причиной этому были не сибирские морозы, а чудачества партаппаратчиков и руководителей районов. По сути дела, приход того или иного чиновника характеризовался очередными экспериментами. Они пугали крестьян, отбивали у них желание работать дома и в колхозе.

Мне не было еще и десяти лет, когда я часами стоял возле небольшого полуразвалившегося магазина, ожидал повозку с хлебом. В этот период селян довольно часто «угощали» кукурузным хлебом. Выдавали строго по rationу – полбулки хлеба на одного человека.

Были времена, когда начальники из района ходили по дворам и пересчитывали живность, вплоть до последней курицы. Я до сих пор помню, как скрывался за кучей дров, которые находились за огородом. В этот день падал снег, я же лежал пластом на земле и не шевелился. В руках держал маленького ягненка, которому то и дело зажимал мордочку. Боялся, что он заблеет. После ухода «контролеров» мать пришла на зады (то же, что задворки) и со слезами на глазах обнимала то своего сына, то крохотное животное.

Ощутить я на себе и очередной шаг торжества ленинской политики построения социализма на селе как ликвидация «неперспективных деревень». Жителей свозили на центральную усадьбу колхоза или совхоза. Кое-кого отправляли на освоение целинных и залежных земель Поволжья, Южной Сибири, Казахстана и Дальнего Востока. Я могу воспроизвести до мельчайших подробностей содержание разговоров моих родителей, которые очень тяжело переносили очередную «указивку» партии. Молодые люди только что построили себе дом, обзавелись живностью. До этого они жили у своих родителей (в доме моей бабушки Лизы). Во время строительства дома жили в бане. Отец был также против безмозглой политики руководящей

силы советского общества, несмотря на то что его несколько раз приглашали в ряды КПСС. Он вежливо отказывался.

В 1950–1987 гг. в результате государственной политики по укрупнению колхозов и совхозов были признаны неперспективными и прекратили свое существование свыше 20 сельских населенных пунктов Называевского района Омской области. Не осталось даже кладбищ, из памяти людей навсегда вытравили историю и достижения многих поколений. Подобных экспериментов под руководством Коммунистической партии, я, как и мои сверстники, не говоря уже о предках, пережили десятки, а то и больше.

В итоге ничего не получилось. Коммунизм, как таковой, в СССР не построили. И это было не так страшно. Меня как человека пугало совсем другое. Под угрозой было основа основ человеческого существования – земледелие, сельское хозяйство. Итог для великой страны оказался далеко неутешительным. Разрушались и умирали деревни, совхозы-миллионеры, приближая время «колбасных электричек», пустых прилавков, отсутствия продуктов питания в стране, способной прокормить не только себя, но и полмира. Воспоминания о прошлом вызывают у автора саркастическую улыбку. Причиной этому была моя детская наивность. Я назойливо просил свою маму, когда она была в Называевске или Омске, купить «кирпичную» булку хлеба. Хотя и сейчас, когда прошло более чем полвека, пышный каравай, испеченный ею, доносит приятный, необычный вкус и запах деревенского хлеба. Его нельзя сравнить ни с советским, ни с заграничным.

Детство и отрочество каждого человека во многом связаны со школой. Несколько слов о начале моей учебы. В первый класс я пошел на год позже, чем мои одноклассники. Этому были две причины. Первая, чисто бюрократическая. Районные начальники, вполне возможно, и местные, сослались на инструкцию. До первого сентября я не дотягивал ни много, ни мало целых 25 дней! На практике это означало – еще молодой, не потянет. Вторая. Мои родители, узнав о соломоновом решении властей, противиться этому не стали. У них были свои аргументы. У первенца просто-напросто отсутствовали валенки. Для их покупки не было денег. Снег в Сибири нередко ложился и в конце сентября.

Школа в мое время представляла собой довольно большое деревянное строение, в котором были несколько комнат. Была также небольшая учительская, коридор. Занимались в две смены. Младшие классы – в первую смену, старшие – во вторую смену. Отопление было печное. Сначала топили дровами, потом углем. Во время большого перерыва учащиеся получали дополнительное питание – булочку и компот. Оплата была чисто символическая – 5 копеек. Туалет был на улице.

Несколько позже возвели дополнительное строение, оно было из камыша. В Называевском районе в 1950-е годы начался строительный бум. Строили дома не только из дерева, как правило, использовали березу, но и обратились ещё к одному виду сырья – камышу. Болотного растения семейства осоковых в моем родном крае было предостаточно. Им кишели болота и зараставшие озера. Сначала был открыт специализированный цех по производству камышитовых плит на кирпичном заводе в районном центре. В 1957–1959 гг. в селе Жирновка был сооружен первый камышитовый завод, он начал массовый выпуск продукции. Плиты изготавливали из прессованного камыша и использовали для строительства стен, перегородок, потолков в жилых и хозяйственных помещениях. Местная пресса охарактеризовала новые дома как «уютные, прочные и долговечные». Однако в 1969 г. производство камышитовых плит было свернуто.

На завершающем этапе строительства «камышитовой школы» определенный вклад внес и я. Летом после работы на пришкольном участке помогал строителям, делал решетки из дранки под штукатурку. За прилежную работу меня премировали поездкой в г. Называевск, был участником выставки овощей, выращенных на пришкольных участках школ района. Мне

представляется, камышитовая постройка была введена в эксплуатацию 1962 году, что позволило проведение занятий в одну смену. В 1972 году возведено новое здание Драгунской восьмилетней школы из кирпича и железобетонных блоков.

И еще кое-что из моей школьной жизни. Учился я неплохо. За все годы обучения не получил ни одной двойки. Тройки, были, но их можно пересчитать на пальцах одной руки. Включая ответы на уроках, контрольные работы или домашние задания. Восьмилетку окончил с хорошими и отличными оценками. Мало того. Я не докучал своим слабоумием учителям. Они довольно часто после проверки моего домашнего задания на промокательной бумаге или прямо в тетради писали мне слова благодарности. Некоторые мои сочинения читались перед классом. Это мне не только льстило, но и давало определенный толчок для дальнейшего самосовершенствования. С первого класса до последнего, десятого, я как правило, делил первое или второе место по уровню знаний или эрудиции. Независимо от предметов.

В сфере общественных дисциплин, включая историю и обществоведение, равных мне не было. Возможно, я от природы получил любовь к истории, не исключено и другое. В школьные годы я довольно много читал журналов и газет, которые были в Драгунской сельской библиотеке. Я также от корочки до корочки читал газеты и журналы, которые выписывали родители. Самообразование, усидчивость и настойчивость, как мне представляется, позволили мне в будущем неплохо освоить труды классиков марксизма-ленинизма. И на этой базе сформировать свое собственное мировоззрение. Свое красноречие я совершенствовал во время проведения политических информационных в классе и других общественно-политических мероприятий.

Не портил я нервную систему учителям и своим поведением. Хотя были и исключения. В начальных классах пару раз стоял в углу за нарушения. Подсказывал однокласснику во время его ответа на вопрос учительницы. Не забывал я дорогу и в кабинет директора школы. Самый большой начальник довольно часто журил своего подопечного за его активное участие в играх в «сабли», которые проводились на развалинах конюшни, расположенной неподалеку от школы. Они, как правило, проводились во время большой перемены, нередко и после окончания занятий. Часть ребят от 4 до 8 класса сразу же бежала к складу «оружия», где хранились деревянные сабли и мечи. Склад представлял собою небольшую яму, которая маскировалась. Редко какой день сражений обходился без драки или телесных повреждений. Порою удар деревянной палкой приходился по руке, туловищу, а то и по голове. Все приходилось терпеть. Случалось и похуже, если кому-то подбивали глаз или появлялись кровоподтеки на руках. «Меченых», как правило, ждали неприятности. Правда, в том случае, ежели «ранения» невозможно было скрыть. Их вызывали на «ковер» к директору, выводили на всевозможные линейки, критиковали на собраниях. Кое-кого приструнивали и через стенгазету, но ребят, как правило, это не пугало. Страшнее всего были родительские меры наказания. Мало кто из родителей читал своим чадам проповеди, большинство воспитывало их при помощи ремня. Но и это действовало не всегда. Буквально через пару дней пострадавший опять носился по развалинам конюшни, не думая о последствиях. Вскоре директор школы об отрицательном влиянии заброшенного строения на учеников известил управляющего фермой. Через пару дней полуогнившие стены конюшни были разобраны и распилены на дрова. Сабельные «бои» тут же прекратились.

Несколько слов о материально-технической базе обучения. О каких-либо полноценных экспонатах или приспособлениях для проведения занятий, в первую очередь, естественных дисциплин говорить не приходится. Не хватало пособий даже для изучения грамматики русского языка. Наглядные пособия изготовляли учителя или ученики. В числе оных был и я. Уроки труда и физкультуры проводились в небольшой деревянной постройке, расположенной неподалеку от школы. Спортивные снаряды в большинстве своем делали старшеклассники под руководством учителя по трудовому обучению или учителя физкультуры. Для козла или коня использовали обычно березу. Распиливали ее на части, затем оббивали старыми одеялами или

войлоком. Для поднятия тяжестей использовали «блины», металлические подвески от комбайнов. В школе-восьмилетке наполняемость классов была приличной, в среднем 18–20 человек.

Через призму десятилетий своей жизни все больше и больше убеждаешься в том, что советская система обучения, несмотря на определенные недостатки, включая школу, училище или институт, была одной из лучших в мире. Конечно, в основе этого стояла подготовка преподавательского состава и его ответственность за порученное дело. Это я постоянно чувствовал и в стенах школы, которая находилась на приличном расстоянии от г. Омска, областного центра. Мои наставники отличались высокой требовательностью к своим подопечным. И не только этим. Они чувствовали и видели наши недостатки, пробелы в знаниях и по собственной инициативе помогали нам. Исключений не было. Мы по-детски радовались, когда в сильные морозы во время ходьбы от дома до школы красящая жидкость (чернила) для писания замерзала. Мы получали, как нам казалось, реальную возможность для «перекура». Однако это не всегда получалось. Учителя ставили небольшие сосуды возле печи или накрывали их небольшим одеялом. В крайнем случае, проводили дополнительные занятия...

Расширяли наш детский кругозор и всевозможные кружки. Я до сих пор четко представляю образ учительницы русского языка Нины Алексеевны Сорокиной. Во внеучебное время она вела литературный кружок. В моей памяти осталось не только содержание книги «Сержант милиции» но и тот детский азарт, с которым мы обсуждали поведение тех или иных литературных персонажей.

Труд учителя, особенно в сельской глубинке, тяжелый вдвойне. Старший по возрасту не только учил нас как правильно писать или считать, но и уму-разуму. Он являлся также наставником и образцом для подражания и для наших родителей, для всех жителей села. Многие из них остались в моей памяти навсегда. И не только за проведенные уроки, а за образ жизни, поведение и т. п. Быть образцом для всех и каждого в глухой сибирской деревне – это настоящий подвиг. Тяжелые жизненные условия их давили, как и нас, каждый час, каждый день, каждый год.

Я до сих пор с теплотой вспоминаю моих первых учителей, которые мне, как и моим сверстникам, передавали не только знания, но и отдавали свою душу. Среди них – Таисия Петровна Пересунько, Клавдия Ерофеевна Сазоненко, Галина Михайловна Рыжакина, Нина Алексеевна Сорокина, Софья Ильинична Токман, Иван Бальтазарович Гохнадель, Валентина Ивановна Винтенко, Людмила Ивановна Будникова и другие.

С теплыми воспоминаниями я живу и о моих соучениках, выпускниках восьмилетней школы моей родной деревни. Несмотря на трудности сельской жизни, мы с большим оптимизмом смотрели в будущее. Среди них были: Касаткин Александр, Киселева Надежда, Коза Владимир, Колесниченко Татьяна, Кузьмин Александр, Кузьмина Антониды, Кузьмина Лидия, Кулешов Михаил, Лескова Галина, Лесков Николай, Лихов Виктор, Марий Владимир, Марий Полина, Морозова Нина, Парфенов Михаил, Прудников Владимир, Сериков Михаил, Худорожко Александра, Худорожко Михаил.

Несколько слов о досуге сельской школьной молодежи. В последнее время кое-кто из перевертышей и приспособленцев опошляет советское прошлое, «вскрывает недостатки». Скажу без обиняков. Все это ложь и клевета. Свободное время для нас было не только временем для отдыха, но и очередной возможностью для всестороннего развития. Учителя школы организовывали поездки в областной центр г. Омск, в г. Называевск. В мае 1965 года в районном центре, на улице Кирова, открылся двухэтажный кирпичный кинотеатр «Мир» со зрительным залом на 500 мест. Многие из учеников школы посетив его, делились своими впечатлениями о фильмах, о самом зрелищном помещении. В связи с этим мне вспоминается 1965 год, когда я стал почти заправским киномехаником. Мне и моему другу, как лучшим ученикам школы, предложили заниматься в кружке юных киномехаников, который был организован при сельском клубе. Кружок вела молодая девушка. Крутить или гнать кино мне с

самого начала очень понравилось. Я быстро вник во все «тайны» кинопроектора «Украина», чем вызвал доверие у руководительницы. Вскоре во время демонстрации фильмов для детей я оставался за главного «киношника». Однако это не означало, что за мною не было контроля. Наставница сидела в кинозале и то и дело бросала взгляд в небольшое смотровое окно, которое было в стене. Из другого исходил луч кинопроектора. К сожалению, не обходилось и без чрезвычайных происшествий. Они, как правило, происходили не по моей вине. Причиной этому была киноплёнка. Она постоянно рвалась из-за плохого качества или из-за недобросовестного отношения к своему делу части киномехаников. Один и тот же фильм «крутился» по району довольно долго. Нередки были порывы киноплёнки во время демонстрации или ее промотки. Публика, как только исчезало изображение, тут же кричала или свистела. После окончания фильма я выходил из небольшой кинобудки. Лицо мое было красное, как у рака. Несмотря на это, я был гордый, осознавал то, что делал большое дело для моих юных земляков.

В годы моего детства и отрочества страна под названием СССР была как единое целое. Жили едиными интересами и мои односельчане, будь то взрослые или дети. Школьники выступали с концертами перед животноводами, жителями деревни. Мы также оказывали помощь инвалидам, старикам и т. п. Довольно часто на сцене сельского клуба осуществлялись всевозможные постановки, концерты. В них участвовали не только взрослые, но и школьники. «Забегали» к нам и артисты из районного или областного центра, нередко были гости из Москвы и других городов Советского Союза. Приезжали лекторы, преподаватели вузов. Много мероприятий проводилось и местными властями, на уровне совхоза или района. Для меня наиболее запоминающим было проведение дней молодежи, встречи с передовиками сельского хозяйства. На одном из концертов я впервые услышал имя Леонида Ивановича Шарохи, солиста Омского государственного русского народного хора...

Жители небольшой сибирской деревни были составной частью великой страны, радовались за ее успехи, болели за нее. Свидетельством этому полет Юрия Гагарина. На дворе была ранняя весна. Снег уже практически растаял. Известие о полете в космос первого в мире человека я узнал из небольшого радиоприемника («тарелки») в доме немецкой семьи Кейт. Я сразу же кинулся домой. Едва передохнув, сообщил новость родителям. Вечером почти вся деревня вышла на улицу. Сразу же появились великие астрономы, которые пальцем показывали на небо, утверждая при этом, что в мигающем объекте сидит Гагарин. Сейчас все это воспринимается с улыбкой. Мы, подростки информацию взрослых принимали за сущую правду. И не только мы... Мои односельчане также тяжело пережили смерть своего кумира. Полковник Гагарин погиб 27 марта 1968 года при тренировочном полете на реактивном самолете вблизи деревни Новоселово Киржачского района Владимирской области. Несколько позже я побывал на месте трагедии.

В Драгунке имелись неплохие возможности и для физического развития. Неподалеку от сельского клуба была волейбольная площадка, на которой резвилась не только молодежь, но и люди пожилого возраста. По собственной инициативе мы организовывали соревнования по волейболу или футболу среди близ лежащих деревень. Наиболее запоминающей для меня стала встреча между молодежью деревень Драгунка и Ростовка. Волейболистов, в числе которых был и я, сопровождали два десятка болельщиков, как говорится в народе, с мала до велика. В волейбол я играл неплохо. Соответствовал «стандарту» того времени. Левша без всяких проблем мог «резать», бить крученный, позорный. Каждый из нас в тот день «отмерил» 20 километров, шли пешком туда и обратно. О нашей победе шли разговоры довольно долго, что поднимало жизненный тонус не только «чемпионов», но и всех односельчан. Несмотря на сложности сельской жизни, мое детство, как и для моих сверстников, во многом было интересным. Внешкольное время детей во многом зависело от времени года и возраста его участников. Конец весны – начало лета, когда все кругом расцветало, было специфическим апогеем для игр, чем была богата сибирская деревня. Кто-то играл в чижика или гонял мяч на школьном

дворе или перед своим домом. Едва первые лучи солнца «выжигали» небольшие площадки – проталины среди снежного покрова, мальчишки тут же начинали играть в лапту. В наиболее теплые дни в этой игре принимали участие взрослые, которые наравне с нами бегали и кричали во все горло. Порою их неуклюжие и слегка замедленные действия вызывали смех у небольшой толпы зевак, состоявшей в основном из очень «зеленой» малышни и престарелых бабок.

Наиболее же популярной среди подростков была игра в «войну». Войны проводились в близлежащем лесу или в кустарниках. Длились они, как правило, с обеда до позднего вечера. По воскресеньям. Воевать хотели практически все, кто имел возможность держать в руках современное «оружие» – деревянный пистолет или автомат. Ружье особым спросом у «бойцов» не пользовалось. Все участники условно делились на «красных» и «белых». Были и командиры. Авторитетными среди них были Иван Винтенко, который очень искусно делал стрелковое оружие из березовых досок, и Илья Кузьмин. Они были на два года старше меня. «Начальники» для выбора цвета войск кидали монеты или выкидывали пальцы. Кто угадывал желание, тот и выбирал цвет. Победитель, как правило, становился командиром красных. Если здесь была хоть какая-то справедливость, то при отборе рядового состава этот принцип практически отсутствовал. Командиры сами выбирали себе красногвардейцев или белогвардейцев. Критерием этому служили деловые качества: умение вовремя разглядеть своего «врага», и умение его «обезвредить», умение хорошо маскироваться. Были и субъективные моменты при наборе в команды. Командир порою брал к себе тех ребят, с которыми учился в одном классе или жил по соседству.

Игра, как правило, заканчивалась обсуждением итогов победы или поражения. Если в стане победителей царил дружеская атмосфера, то у проигравших было все наоборот. Командир устраивал настоящий разнос тем, кто был «убит». Кое-кому приходилось получать оплеуху, особенно тогда, когда начальник в ходе «боев» оставался жив. Ежели он погибал, то разборки были куда спокойнее. По понятным причинам – чего рот открывать, если ты сам «убит». Подобные игры в прямом смысле роднили нас, независимо от национальности, вероисповедания или социального положения.

Определенную роль в единении детей и подростков играли и общественно-политические объединения: октябрятские звездочки, пионерские и комсомольские организации. Разве можно забыть костры, которые мы жгли всей школьной молодежью, включая и часть жителей села, в день рождения пионерской организации?! Я всегда был среди «поджигателей». Право поднести огонь к сухому валежнику предоставлялось лучшим ученикам школы. Как сейчас помню свое вступление в ленинский комсомол. Из нашего класса, да и по всей стране, в эту организацию вступали только отличники и хорошисты учебы. Вступать или не вступать – вопрос для большинства не стоял. Хотя были и исключения. Родители верующих запрещали своим детям вступать в комсомол, таких были единицы. Для большинства моих сверстников, возраста 14–15 лет – это был период возмужания, взросления и дальнейшего понимания реальной жизни. У нас формировались основополагающие убеждения и представление о самом себе, вместе они порождали общий взгляд на сущность человека и то, как устроен этот мир.

Ни у кого из нас не было карьерных устремлений, никто не «планировал» для себя теплое место под солнцем коммунизма. Да и предпосылок для этого не было. Конечно, каждый мечтал стать космонавтом, офицером, инженером и т. п. И все это увязывалось только с честным трудом, талантом человека и не более. Все прекрасно понимали, что можно успешно трудиться на селе или в городе. Никто не тыкал пальцем на родителей, что они были животноводами или трактористами, учителями или поварами. Главное для них – честный труд, для нас – хорошая учеба. Для юношей и девушек того времени, понятий о социальных кастах не существовало. В крайнем случае, в силу определенных причин мы не знали об этом или еще недопонимали. В комсомольской работе практически отсутствовал бюрократизм, парадная шумиха. Думается, подобного мнения о прошлом, придерживаются и многие мои сверстники.

Особенно насыщенным было наше свободное время во время школьных каникул. Кое-кто уезжал к родственникам в город, однако таковых было очень мало. Большинство же оставалось в деревне. Мальчики и девочки довольно часто «кучковались» и проводили время по своему плану. Ходили купаться в котлован и загорали на «пляже», который представлял собой небольшую полянку или часть земляной насыпи. Нередко и рыбачили. Удочек, как таковых, у нас не было. Они были лишь у пары заядлых рыбаков, которые «сопливых» к своим снастям даже на пушечный выстрел не допускали. Однако мы в отчаяние не впадали. Брали у рыболовов старенькие сети и шли к близ лежащему озеру «Драгунское». Затем садились в старенькую лодку и через некоторое время ставили сети. К вечеру их снимали. Улов был, как правило, небольшой, но на компашку из трех-четырех человек ухи хватало. Иногда кое-что приносили и родителям. Мы каждый день и ночь жили среди природы и этому очень радовались. Мы были ее частью. Деревня, как небольшой островок земли, был для нас зеленым аквариумом. Конечно, в то время никто из жителей села не знал, что неподалеку есть Семипалатинский полигон, где испытывали ядерное оружие...

Лето давало прекрасную возможность по-настоящему изучить свой родной край, его достопримечательности. Таковых, откровенно говоря, в Драгунке было очень мало. Основными экспонатами для детей была кузница и так называемый «гараж», где находилась сельскохозяйственная техника. До классического гаража стоянка тракторов и других самоходных и несамоходных машин явно не дотягивала. Все и вся стояло под открытым небом, притом в любое время года. Я до сих пор помню небольшой колесный трактор «Фордзон-Путиловец», которым управлял Антон Корсуков. Позже появились тракторы «ДТ-54». Среди зерноуборочных комбайнов сначала был «Сталинец –1», его тянул гусеничный трактор. Позже появился самоходный комбайн «СК-3». Это был первый советский комбайн, оборудованный гидравлическим усилением руля. Машина производилась с 1958 по 1964 год. Основным предприятием советского комбайностроения был завод «Ростсельмаш», а также Таганрогский завод.

Не оставалась без внимания односельчан, особенно детей, и «диговинная» техника. Это была легковая машина или какой-либо грузовик, который мы доселе не видели. В связи с этим вспоминается случай с мотоциклом «Киевлянин». Появление его в Слободке, так называлась одна из улиц, для жителей глухой деревни было полнейшей неожиданностью. Открытая транспортная машина с двумя колесами остановилась напротив одного из домов. Пожилого мужчину мучила жажда, стояла сильная жара. Удовлетворив свою потребность, он намеревался ехать дальше. Не получилось. Мотоцикл темно-зеленого цвета не заводился. Тут же к нему подошла ватага деревенских ребятишек и с большим интересом стали его рассматривать. Среди зевак был и я. Мне запомнился багажник, который был установлен на шитке заднего колеса и два инструментальных ящика. Не упустил я возможность прочесть слово «Киевлянин», оно было написано на топливном баке. Неоднократные попытки чужака «оживить» машину проваливались с треском. Докучали ему и пацаны, каждый из них стремился надавить пневматический сигнал (клаксон), расположенный на руле. В итоге водитель сдался и попросил помощи у зевак. Они с огромным желанием толкали «железного коня» и его наездника то по пыльной дороге, то по задам, пока двигатель не заурчал. Радости подростков не было предела. Едва мотоциклист скрылся из виду, начались бурные дискуссии по увиденному чуду техники.

В 1965 году мой отец купил мотоцикл «ИЖ-49». Через некоторое время мне было разрешено им управлять. Я был в восторге от этой машины. В ней мне нравилось буквально все. Особенно ее надежность и проходимость, что немаловажное для сибирского бездорожья. Нравился и внешний вид, особенно переднее и заднее сиденья. Они были из черной толстой резины и на пружинах. Я очень быстро освоил технику, нередко занимался циркачеством. Умудрялся ездить по проселочной дороге без руля, управлял мотоциклом за счет своего тела. Спидометр нередко зашкаливал за 60 километров в час.

Общеизвестно, что жизнь крестьян сопряжена с тяжелым физическим трудом. Я, как и миллионы людей моего поколения, не понаслышке это знал. Мы каждый день и каждый час убеждались в этом на собственной шкуре. Скорее всего, только сейчас, как никогда раньше, понимаешь необходимость этого труда. Одновременно осознаешь и то, что за все прошедшие годы наши вожди практически ничего не сделали для улучшения жизни крестьян и их детей. В то время мы по-иному воспринимали действительность. Мы считали первейшим долгом и обязанностью помогать родителям по хозяйству, заготавливали дрова, косили сено и т. д. и т. п. Никто из нас не ныл и тогда, когда помогали совхозу. Расчищали лопатами крыши животноводческих помещений от снега, убирали картофель, кормовую свеклу. Ничего зазорного мы не видели и в том, что после школы разгружали плечами (особый железный черпак с рукояткой и с ручкой в виде душки) или деревянными лопатами грузовики с новым урожаем зерна. Наоборот, мы радовались, что становились взрослыми и вносили свой вклад в развитие деревни.

Радовался и я, когда в школьные каникулы помогал родителям по хозяйству или по работе. Без домашней живности прожить было невозможно, как и без денег. Продукты питания были свои, из личного подворья, но денег, как правило, не хватало. Зарплаты работников сельского хозяйства в то время были мизерными, как и мизерным было пособие на пятого ребенка – 4 рубля 50 копеек. Скорее всего, только по этой причине в нашей семье какие-либо торжества или юбилеи проходили очень скромно. В день рождения, как правило, каждый из братьев получал коробочку конфет («подушечки»). Она стоила 15 копеек.

Одновременно я не хочу утверждать, что мы жили очень бедно. Никто из родителей и моих братьев не филонил. Важным подспорьем для семейного бюджета были природные дары сибирского края. Летом мы собирали ягоды, грибы. Делали всевозможные заготовки на длительную зиму. Помощь родителям в большей степени была вынужденной, необходимой. В то время у животноводов практически не было свободного времени. Все и вся занимала работа: ферма или дом. Поэтому я с большим желанием пас в летнее время около полусотни телят, которых я, несмотря на их «капризы», по-своему любил. Любили они и меня. Увидев подростка, одетого в большой резиновый плащ и в большие не по размеру сапоги, в руках которого была кипа журналов или газет, они на какой-то момент отрывались от травы и тут же гуськом шли навстречу юному пастуху. Если говорить о капризах животных, то их было немало. Во время палящего солнца или нашествия паутов, телята, задрав хвосты, бегали по огромному полю. Во время грозы от страха разбегались, куда глаза глядели. Доставалось пастуху от друзей и тогда, когда они паслись неподалеку от полос, которые манили их молодой пшеницей или овсом. И везде нужен был контроль за детенышами коров, что не всегда удавалось. Нередко они умудрялись в отсутствии пастуха жевать его школьные учебники или газеты. Доставалась пастуху и во время кормления животных. Наиболее ретивые и наглые то и дело отталкивали слабых и скромных от небольших деревянных желобов, где был обрат или что-то другое съедобное. Пришлось нарушителей метить – обильно мочить макушку головы или всю морду.

После окончания восьмилетней школы я практически все лето проработал в совхозе подсобным рабочим. В принципе работа была не тяжелая. Занимался подвозом воды, дров и других мелочей, необходимых для животноводческих комплексов. Довольно часто подвозил продукты питания для комбайнеров или тех, кто занимался заготовкой сенажа. У меня была небольшая телега, запряженная лошадью. Мерин носил кличку «Лапосон». Конь мне уже был давно знакомый. Я пару лет назад подвозил на нем копны сена или вершил зароды. Лапосон в те времена был самый сильный из лошадей, потом сдал. Молодой извозчик его не мучил и многое ему прощал. Подрабатывал в совхозе не только я один. Работали многие мои сверстники.

По мере взросления я все больше и больше вникал в дела своей малой родины. Деревня с каждым годом преображалась. В конце пятидесятых годов прошлого столетия все хозяйственные постройки находились неподалеку от озера «Драгунское», на задах современной улицы

Слободская. Там были животноводческие помещения, зерноток. Амбары для хранения зерна, сушилка для зерна, весовая. Был там и птичник, выращивали кур, гусей. Находилась там кузница и конюшня. Была и небольшая маслобойня. На ней одно время работал мой отец. Рыжиковое масло с картофелем было одно из любимых блюд односельчан. Приезжали за ним и люди из близлежащих деревень. Несколько позже все хозяйственные постройки перенесли на обратную сторону Слободы, ближе к сельскому клубу. Причиной этому была не только земля, которая во время дождей превращалась в непроходимое месиво, но и наличие многочисленных отходов, как от животноводства, так и от полеводства. На новом месте были вскоре построены новые комплексы каркасного типа для крупнорогатого скота молочного и мясного направления, что улучшило материальную базу животноводства. Затем стали выращивать овец. Заметную роль в экономике села играла и новая водонапорная башня, вода в ней была чистой и без запаха. Был и маслозавод (молокозавод). Директором был Николай Колесниченко, отец моей одноклассницы Татьяны Колесниченко. Молоко свозили с близ лежащих деревень и перерабатывали. В кирпичном здании было три цеха: сгущенного молока, казеиновый и маслоцех. Я довольно часто бывал в нем. И гордился тем, что масло отправляли в дружественный нам Китай. Позже появилась лесопильня. В 1963/64 годах Драгунка была электрифицирована. Улучшилась и торговля. Вместо небольшого полусгнившего магазина был построен новый, из сосновых брусьев. Росло число и домов-новостроек. Они, как правило, строились сообща, организовывались «помочи». В строительстве участвовали родственники или знакомые. Так был построен и дом моих родителей.

Небольшая деревня – специфический коллектив, единая семья. Здесь все и каждый на виду. Радости и проблемы делили все вместе. Сопереживали не только за родственников, но и за односельчан. Я был очень горд тем, что первый телевизор в деревне появился у моего деда Коза Михаила Григорьевича. Вскоре аппарат для приема телевизионных передач с черно-белым изображением появился и у нас. Некоторое время наш дом стал местом паломничества для моих сверстников. Каждый хотел посмотреть фильм и концерт советских знаменитостей.

Мои сверстники – дети своего поколения и времени. У нас была своя культура поведения и своя мода. Сначала были узкие брюки для парней, затем появились брюки клеш. Изменилась у них и прическа. Они в большинстве имели длинные волосы. Девушки носили узкие, короткие юбки. Без всякого сомнения, истоки моды на все и вся для жителей деревни брали свое начало из города. Предтечей этому был областной центр г. Омск. Многие из выпускников школы поступали в профессионально-технические училища, техникумы или институты. Или совершали поездки к своим родственникам. Одевались мы также по-разному, с учетом своих возможностей. В шестидесятые годы прошлого столетия были дружеские отношения Советского Союза и Китайской Народной Республики. Успешно развивалась и торговля. Ширпотреб из соседней страны доходил и до сибирской глубинки. В местных магазинах продавали китайские куртки, рис, другие продукты питания. Особенно популярными среди сибиряков были китайские термоса.

70–80-е годы прошлого столетия, по мнению автора, были для его малой родины наиболее благоприятными. Уровень жизни сельчан значительно повысился. Конечно, основным приложением их сил было животноводство и полеводство. В Омской области в 1982 году было 155 колхозов, 255 совхозов и 6 крупных опытно-производственных хозяйств.

Удивительна судьба человеческая... Кого-то история помнит, притом не всегда по благим делам, кого-то незаслуженно забывает. К сожалению, забыты имена многих моих земляков, кто приумножал величие и славу села, города, страны. В мою бытность в деревне работали целые трудовые династии. Среди них – Лиховы, Кохи, Кузьмины, Бачины, Сериковы, Козы, Винтенко, Яшины, Марий, Киселевы, Сейвальды и другие. Мои земляки делали самое простое и в то же время самое главное: растили детей, ухаживали за скотиной, возделывали поля, собирали урожай. Без их труда жизнь на земле просто невозможна. За высокие показатели в

животноводстве и полеводстве многие односельчане были награждены правительственными наградами, почетными грамотами, ценными подарками.

В послевоенные годы (1945 и 1949 годы) мои земляки, члены колхоза «Красная звезда» за ратный труд были занесены в книгу Почета передовиков сельского хозяйства Омской области. Среди них – чабан Бузырев Григорий Павлович, Соседко Иван Сергеевич, председатель колхоза, телятница Соседка Матрена Ивановна, в 1948 года она была награждена орденом Трудового Красного Знамени. В пору моего отрочества орденом Трудового Красного Знамени был награжден Жидик Василий Никитович – комбайнер; Лихов Илья Федорович – скотник. Орденом «Знак Почета» была награждена Пересунько Раиса Александровна – доярка. Медалью «За трудовую доблесть» – Коза Виктор Михайлович, тракторист. Все они работали в совхозе «Озерный».

Через полвека я могу вспомнить, где какой дом стоял в Драгунке, кто где жил, и даже кто во что в то время одевался. В моей памяти до сих пор остались фамилии: Баловы, Басаргины, Бачины, Бейфус, Бузыревы, Виничуки, Винтенко, Галанины, Готовы, Гохнадель, Дубковские, Дудниковы, Ейкины, Емельяненко, Ефремовы, Жидик, Жупины, Касаткины, Кейты, Киселевы, Козы, Колесниченко, Коростылевы, Корсуковы, Кохи, Краснолобовы, Кузьмины, Кулешовы, Крысальные, Лаптевы, Лесковы, Лещевы, Листратовы, Лиховы, Майданы, Марий, Митяевы, Мороз, Морозовы, Мироновы, Мякишевы, Носиковы, Орловы, Парфеновы, Пересунько, Погромские, Проненко, Прудниковы, Раковские, Романовы, Рябковы, Сейвальды, Сериковы, Сазоненко, Солнцева, Ступины, Фериулины, Хашкины, Хорхоряны, Худорожко, Шараповы, Ялунины, Яшины... Эти люди были со мною в одночасье. К сожалению, кое-кто из моей памяти выветрился. Мало того. За полвека в деревне многое изменилось. Кто-то родился, кто-то ушел в мир иной.

Учителя Драгунской восьмилетней школы

После окончания Драгунской восьмилетней школы, я пошел учиться дальше. Подал документы в село Черемновка, где была средняя школа. Сделал выбор на этом учебно-воспитательном учреждении и мой друг детства Александр Касаткин. Несколько слов о самой школе. В 1963 году школа стала средней. До 1969 года она располагалась в трёх зданиях-бараках, по четыре классные комнаты в каждом. Бараки были построены в начале 60-х годов прошлого

столетия. Во время моей учебы началось строительство новой школы. Двухэтажное здание было построено в 1969 году.

В мою бытность директором школы была Борисова Антонида Васильевна. Два года протекли очень быстро. Однако для меня они были особенными. Во всех отношениях. Самое главное то, что это была очередная ступень получения знаний. И в Черемновке я не изменял своему принципу – приобретал знания путем самостоятельных занятий. Несмотря на то, что для их получения не было идеальных условий или возможностей. Среднюю школу я окончил на «хорошо» и «отлично».

Имеющиеся проблемы, в принципе мне мало мешали. Я жил своей жизнью, своими мечтами. Главной задачей была отличная и хорошая учеба. Только с этим я связывал надежду, что хоть как-то удастся выбраться из сибирской глуши. И мне кое-что удавалось в этом плане сделать. Возможно и даже больше по сравнению с моими одноклассниками. Одновременно хочу сказать, что я никогда не был зубрилой. Скорее всего, мощным подспорьем в учебе была моя неплохая память. Возможно, даже и феноменальная. Я до сих пор могу воспроизвести некоторые страницы учебников, в том числе рисунки или диаграммы, которые я не видел более чем полувека.

Не обижаюсь на свою память и сейчас. Летом 2019 года я встретил немецкого ученого, которого не видел 15 лет. Мы встречались с ним по работе в одном из научно-исследовательских институтов. При очередной встрече я не только назвал его имя и фамилию, но и тему его исследования, а также номер кабинета, в котором он работал. Старик очень долго меня разглядывал, но так меня и не признал. Затем слегка присев от удивления, похлопал меня по плечу. Улыбнулся и по-немецки сказал: «Вы, господин Яшин, обладаете феноменальной памятью. Большое спасибо!».

Мало того. Учебе я отдал четырнадцать лет. Прошел через десятки экзаменов и зачетов. Сдавал только на «хорошо» и «отлично». Для развития памяти в сфере точных наук я довольно часто по собственной инициативе делал специальные математические ребусы или какие-либо головоломки. До сих пор помню задачу № 19 из стереометрии, которую я не мог решить. Не решили ее и мои одноклассники, которые имели неплохие знания по этому предмету. Бесильным оказал и наш учитель математики. В итоге настойчивого «кумеканья» в мою голову пришла мысль о сложении и умножении однозначных чисел. Вскоре появилась формула, которая поразила меня своей простотой. К сожалению, что-либо развивать в этом направлении или подойти к учителю математики не было времени. На носу была экзаменационная пора...

Через пару лет после окончания военного училища, я был в отпуске, зашел в магазин «Детский мир» г. Омска. Купил ученическую тетрадь в клеточку и обомлел. На обратной стороне среди десятка формул по математике была и «моя». Она принадлежала одному из великих иностранных математиков. По-моему, немецкому. Подобное я уже сделал в девятом классе! Не забыл восьмиклассник и свою роковую ошибку в сочинении, когда сдавал экзамен по русскому языку и литературе. Писал изложение на тему: «В. И. Ленин в подполье». Слово «опасно» написал с буквой «т». Едва закрыл за собой дверь классной комнаты и тут же схватился за голову. На разъезде «Ошировский» стоял высокий металлический столб с табличкой, на которой было написано «Не влезай. Опасно для жизни!». Я десятки раз лупил глаза на это предупреждение.

Возраст прибавлял мне не только честность и принципиальность, но также усидчивость и настойчивость. В средней школе меня еще больше заметили. Я стал первым историком в классе, возможно, и в школе. И не без причин. Скорее всего, быть историком, мне сам Бог определил. По рекомендации учителей со мною побеседовал лектор областной организации общества «Знание» Омской области, который выступал в местном клубе с лекцией о международном положении СССР. Я до сих пор храню теплые воспоминания об этой встрече.

Мало того. Я интересовался буквально всем. Как работала водонапорная башня в деревне, почему валил дым из выхлопной трубы у проехавшего по улице мотоцикла. Есть люди – универсальные гении, и я еще в детстве хотел на них походить. Я нередко завидовал местному Кулибину – жителю деревни Драгунка Семену Раковскому, который без проблем чинил мотоцикл или телевизор. Ремонтировал практически все и вся, не имея для этого хорошей материальной базы. В десятом классе я стал участником всесоюзной олимпиады по знанию истории стран социализма, условия которой были опубликованы в одном из общественно-политических журналов Советского Союза. За это я был благодарен учителю истории Смоличеву Виталию

Яковлевичу.

Мою работоспособность, возможно и даже талант, отмечали мои коллеги по учебе, по службе и по науке. В школе меня нередко прозывали Лениным или Софьей Ковалевской (женщина-математик). Коллеги по воинской службе пророчили мне высокие должности, вплоть до генерал-полковника.

Небезынтересно отметить и то, что в средней школе я пытался писать стихи. Особенно усердствовал в стенах военного училища. К сожалению, они у меня не сохранились. Как мне сейчас представляется, они были довольно неплохого содержания.

Кстати, благодаря точным наукам, ко мне пришел и писательский псевдоним «Великий». После районной олимпиады по математике я и несколько ребят – участников присели на скамеечку в сквере перед железнодорожным вокзалом станции «Называевская», ожидали электропоезд. Вскоре к нам подошел старик лет семидесяти и, узнав о том, что перед ним «башковитые» ребята, затем, не то всерьез, не то в шутку стал предсказывать их будущее. Двоих он «определил» инженерами, одного учителем, двоих вообще назвал никчемными людьми. В объектив глаз старца я попал последним, так как сидел на краешке скамейки. Он внимательно посмотрел на меня, потом, слегка улыбнувшись, произнес: «А ты, малый, будешь великим человеком». К сожалению, я не знаю исполнились ли предсказания старика в отношении судьбы моих сверстников. Однако этот случай запомнился мне на всю жизнь...

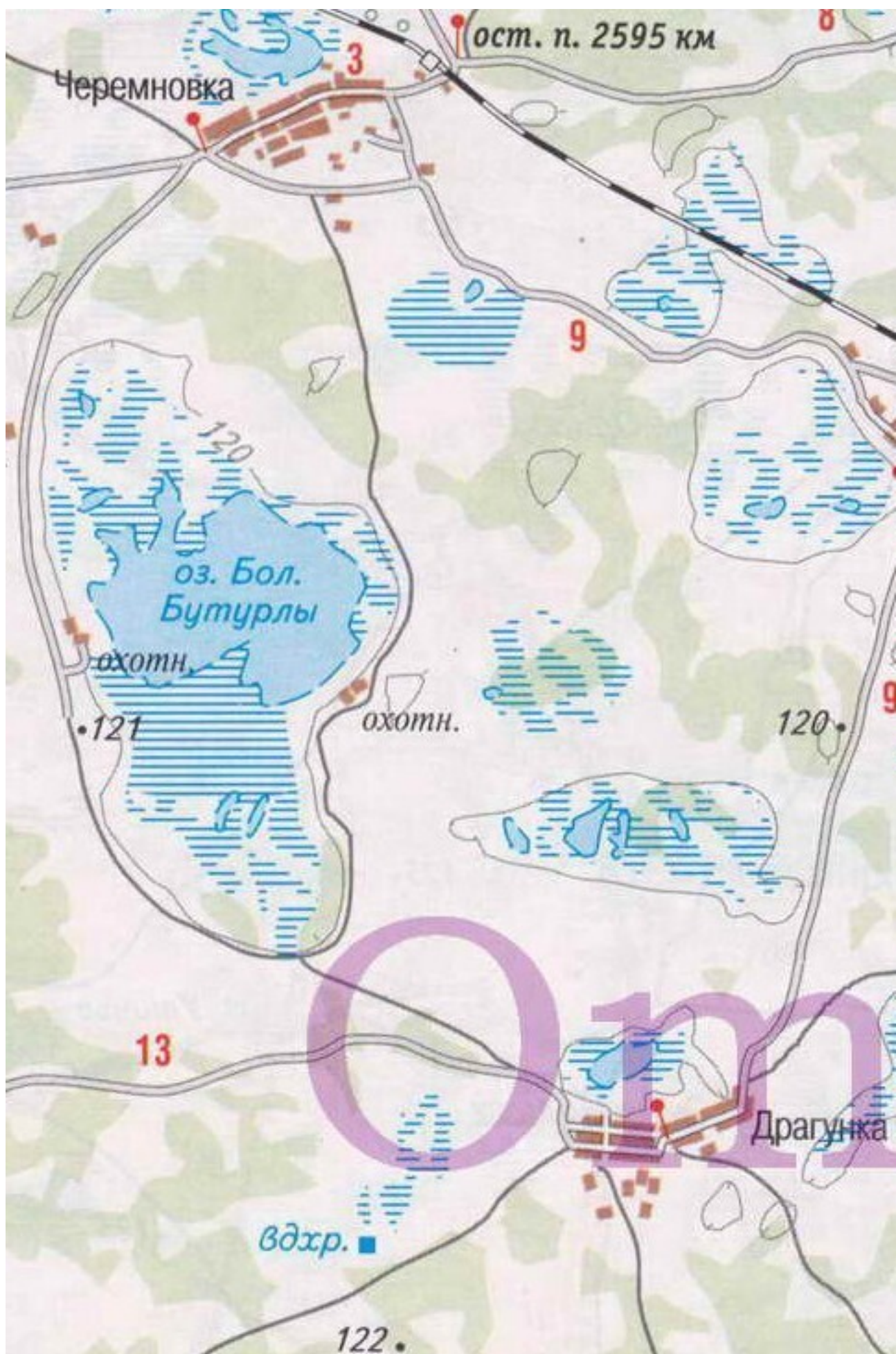
И еще несколько моментов из школьной жизни. Угол, часть комнаты, которую я арендовал у знакомых, без всякого сомнения, не позволял мне вести в полном объеме родной домашний образ жизни. Однако в то время большого выбора для меня и подобных мне не было. От интерната отказались родители, не в восторге был и я. Шиковать не приходилось, но жить можно было. Питался я в совхозной столовой. До сих пор помню цены. Рассольник (половина порции) стоил 6 копеек, гарнир (картофель, лапша или вермишель) стоил 3 копейки, котлета – 12 копеек, чай – 2 копейки, два кусочка хлеба – одна копейка. В принципе трехразовое посещение совхозной столовой, между прочим, готовили очень хорошо, обходилось для молодого человека в среднем от 30 до 50 копеек.

Много свободного времени уходило на поездки домой. В то время в школах был только один выходной – воскресенье. В субботу после занятий два старшеклассника тяжело вздыхали, надо было добираться до родных пенатов. От Черемновки до Драгунки напрямую было 14 километров. Официально какой-либо транспорт за нами не был закреплен. Добирались сами, добирались по-разному. Летом было несколько проще. Ездили на велосипедах. Во время дождей была проблема. Шли по раскисшей проселочной дороге, иногда несли машину для езды на себе. Зимой использовали лыжи. Дороги, как таковой, не было. Не было и освещения. Ориентировались на пару фонарей, которые издали светились на главной улице нашего села. Бывало и то, что за нами по настойчивой просьбе родителей приезжал трактор. Приезжал очень редко. Причин этому было немало. Дорога была сильно занесена, не было тракторов или водитель самоходной машины был вдрызг пьяный. Друзья использовали и резервный вариант. Вечером шли пешком на остановочный пункт «2595 км». Садись на электропоезд, следующую

щим был разъезд «Ошировский». Потом добирались до Драгунки на попутном транспорте или шли пешком. Как правило, вынуждены были использовать последнее.

Шоссейную дорогу между деревней Ростовкой (возле нее находился разъезд) и моим селом нередко называли «дорогой жизни». Только через нее мои земляки попадали на остановочный пункт. Затем садились на электричку и оказывались в Называевске или Омске. Зимой шоссе сильно заносило, во время дождей многие ее места заливало. Было ни пройти и ни проехать.

В ту пору, мы дети строителей коммунизма, которым было суждено жить в этом светлом обществе, не сомневались, что через пять, ну через десять лет что-либо изменится в лучшую сторону. Будут хорошие дороги и многое другое. Ни я один ходил пешком и падал от усталости или растирал свое лицо и руки от сильных морозов. Я, как и многие мои сверстники, имели желание учиться. И делали это, невзирая ни на какие трудности. Не исключением были и последующие поколения.

Мои родные места на карте Называевского района Омской области

К сожалению, и через полвека в сфере транспортного сообщения в моем родном крае ничего не изменилось. Наоборот, стало еще хуже. Добротной постройки на разъезде «Ошировский», где была билетная касса и зал для ожидания, уже давно нет и в помине. Нет и проводного, одетого в красивую форму железнодорожника. Узнав по телефону о приближении электропоезда, он выходил на улицу. Затем дергал веревочку довольно большого колокола, висевшего на специальной подставке. Раздавался специфический звон, который радовал душу сельчан, независимо от их возраста. Мало того. Сейчас нет даже туалета, не говоря уже о другом. Практически нет и Ростовки. Она частенько страдала от лесных пожаров, которые вплотную подступали к деревне. В 2010 году не уберегли, несколько домов полностью выгорели. То и дело подходит новая беда – подтопление. В 2019 году в деревне было 18 жилых домов, проживало 46 человек. Люди в прямом смысле обречены на физическое вымирание...

Из учителей Черемновской средней школы для меня дорога память о Виталии Яковлевиче Смоличеве, Иване Васильевиче Бушуеве, Константине Федоровиче Крот, Лидии Васильевне Сычевой, Зинаиде Трофимовне Долгих...

Не забыл я и соучеников далекого и одновременно почти только «вчерашнего» выпуска 1968 года. В 2014 году я издал роман «Между адом и раем», посвятив его моим одноклассникам. Их было 28 человек: Бакулина Галина, Белова Нина, Глухова Любовь, Гордеев Анатолий, Гузь Любовь, Дергунова Галина, Земскова Анна, Зимина Мария, Зотова Галина, Кайгородов Александр, Какоткина Любовь, Касаткин Александр, Клюкин Юрий, Коза Владимир, Кузьмина Антонида, Лескова Любовь, Лифанов Александр, Макорин Николай, Пяткова Татьяна, Сорокина Лидия, Сорокин Валерий, Сорокоумова Мария, Степахин Анатолий, Фаломеева Нина, Филимонова, Людмила, Чемшина Валентина, Шакина Любовь, Шушаков Михаил.

Драгунская восьмилетняя школа. 2014 год

Прошло полвека после того, как мы расстались и очутились в различных точках необъятной страны, имя которой Советский Союз. Порю мне кажется, что мы и до сих пор единый коллектив, живем одними интересами и заботами. И не только это. Мы имеем также теплые воспоминания друг об друге и о школе. Особенно о «демократическом» периоде, производственной практике. Весь девятый класс был направлен в лагерь труда и отдыха, который находился в трех километрах от центральной усадьбы совхоза «Черемновский». Предстояла работа по прополке свеклы, подсолнухов, капусты. Какого-либо контроля за практикантами не было. Был только один наставник, учитель труда. Свободное от работы время каждый из старшеклассников проводил по-своему. Одни ходили купаться в котлован, другие играли в бильярд в совхозном клубе или попросту болтались. Для меня же популярной была игра в футбол. Я с нескрываемой радостью встретил известие о том, что на стадионе в воскресенье состоится встреча между совхозной командой и командой лагеря труда и отдыха. Об этом даже информировала афиша, которую написал местный киномеханик и вывесил ее на доске объявлений. В первом тайме счет так и не был открыт. В перерыве к нам подошел начальник лагеря и полупуштя-полусерьезно сказал: «Ребята, если выиграете у старших, то получите ящик вафель». В итоге мы выиграли, оба гола в ворота противника забил я. Затем состоялся торжественный ужин. Начальник лагеря под аплодисменты присутствующих вручил капитану команды ящик

вафель, где-то порядка 5 килограммов и вдобавок всему классу ящик лимонада. На следующий день рано утром прозвучал пионерский горн. Начался новый день, новые радости и огорчения. С теплотой я вспоминаю и супружескую пару: Павла Григорьевича и Лидию Семеновну Силкиных, в доме которых снимал «угол», чтобы совершенствовать свои знания и учиться жизни.

Пресловутая перестройка конца 80-х годов прошлого столетия напрочь отменила достижения социализма, но и определенный достаток моих земляков. Она в очередной раз сделала их изгоями. Моя малая родина сегодня, как и тысячи ей подобных на российских просторах, есть ничто иное как замкнутое натуральное хозяйство. Наличие живности, огорода позволяет и то с большим трудом прокормить семью, не умереть с голоду. О заграничных вояжах, которые совершают бывшие коммунистические начальники, сельчанам мечтать не приходится.

Мало того. Деревня Драгунка умирает на глазах. Полвека назад в ней насчитывалось около 150 дворов, проживало более 500 человек. Согласно Всероссийской переписи населения (2010 г.) в ней проживало 116 чел. Мужчин – 52 чел., женщин – 64 чел. В процентном отношении – мужчин 44,8 %, женщин – 55,2 %. В настоящее время – три десятка дворов, не больше. И полсотни жителей, в основном – старики. Все они живут за счет личного подсобного хозяйства. Уже в помине нет общественного скота, не раздаётся гул тракторов, везде и кругом развалины и сорняки...

Не раздаётся звонкий голос детей и на школьном дворе. 6 июля 2014 года школу закрыли. Причина – нет учеников! Не лучшее положение и в Черемновке... Радует лишь то, что за все годы существования небольшой деревеньки, расположенной на юго-востоке Называевского района, которую обошли стороной железная дорога и автомобильное шоссе, постоянными для нее остаются географические координаты и отдаленность от центров цивилизации. Расстояние до районного центра (г. Называевск) – 41 км. Расстояние до областного центра (г. Омск) – 104 км. Расстояние до столицы России (г. Москва) – 2166 км.

Отрадно также и то, что бывшие односельчане, где бы они не находились, с теплотой вспоминают о своей деревне. Считают ее самым лучшим селом на земле. Для цивилизованного человека Родина – одна, можно сменить место жительства, но живые нити, идущие от малой родины иссечь невозможно.

Не падают духом и те, кто живет в Драгунке в настоящее время. Любовь к малой родине была и остается для них специфическим эликсиром, который придает им силы для выживания в это довольно тяжелое время. Свидетельством любви моих земляков к своей деревне стала песня «Деревенька моя», своего рода гимн. Впервые эту песню исполнила Анастасия Яшина 30 июля 2005 года в школьном парке на праздновании 200-летия образования Драгунки.

Несколько слов о Называевском районе. Административный центр района – г. Называевск. Площадь 5,9 тыс. кв. км. Население, к сожалению, сокращается. Если в 2009 году в районе насчитывалось 27,9 тыс. чел., в том числе в Называевске – 12,3 тыс. человек, то в 2019 году уже в районе проживало 20260 человек. Из них: в городе – 10936 чел., на селе – 9324. Национальный состав жителей района (01.01.2009): в процентах – русские (81,7), казахи (11,4), немцы (3,9), украинцы (0,8), татары (0,4) и другие.

С 1991 г. район стал пограничным, его соседом является суверенный Казахстан. Через железнодорожную станцию Называевская проходит одна из важнейших ветвей Транссибирской магистрали – железная дорога Екатеринбург – Тюмень – Омск.

Освоение земель, на которых находится Называевский район, началось с давних времен. К Российскому государству этот регион присоединён в 1598 году, когда было завоёвано Сибирское ханство. Долгое время земли района оставались вотчиной местных кочевников – сибирских татар и казахов. Создание Тоболо-Ишимской оборонной линии, препятствовавшей набегам джунгар с юга, способствовало исходу русского населения в Сибирь. Земля района стала заселяться русскими с 1785 года. Первыми поселенцами были казаки, крестьяне из сосед-

них уездов и ссыльные со всех концов страны. На берегу озера Рыбное они основали деревню Рыбье. Это самое первое поселение на называевской земле. Постепенно число деревень, как и жителей, увеличивалось.

Возрастает количество переселенцев и из европейской части России. Основная волна переселенцев хлынула сюда в конце XIX века, начале XX века. Этому способствовало сооружение железной дороги, проведение столыпинской аграрной реформы. В 1907–1909 гг. на участке Тюмень – Омск было спроектировано строительство железной дороги, утверждены и обозначены на топографических картах и ведомственных схемах станции и разъезды. Место узловой ж.-д. станции было определено на равном расстоянии между Ишимом и Омском. Свое название «Называевская» она получила от волостного центра – с. Называиха. У будущей железной дороги был основан поселок – первые бараки для рабочих, временные квартиры для специалистов. Так возник поселок Сибирский Посад, название которого менялось (Сибирский, Называевск). Дата основания поселка – 1910 год.

В 1918–1921 годах на территории района происходило противостояние Красной Армии с формированиями белогвардейцев. В Называевске, Утичье, Нововоскресенке, Дурбете находятся братские могилы красноармейцев, крестьян и партизан, погибших за советскую власть. В селе Лески сохранилась Никольская церковь, 1866 года постройки. В нынешних границах Называевский район существует с 1965 года.

Железнодорожная станция «Называевская». 1975 год

Город Называевск, как и железнодорожная станция «Называевская», очень много значили для моей жизни. В годы моего детства и отрочества это было место, где «пахло» городом, были магазины, колхозный рынок, кинотеатр и даже милиция. При Доме быта было небольшое фотоателье, где я сделал фотографию на паспорт. Для фотографа моя физиономия оказалась фотогеничной. Несколько месяцев мое фото было на специальном стенде, на котором выставлялись лучшие работы пожилого мастера. В ателье этого же Дома быта мне сшили костюм черного цвета для выпускного вчера (1968 год).

Город Называевск – центр сельскохозяйственного района с промышленностью по переработке местного сырья (маслозавод, мясокомбинат с комбикормовым цехом и птицекомбинат с инкубаторским цехом), трикотажная фабрика, предприятия железнодорожного и автомобильного транспорта, кожевенный и кирпичный заводы. Имеется крупный элеватор. В Называевском районе развито производство зерновых и кормовых культур, картофеля, мясо-молочное скотоводство. В 90-е годы прошлого столетия район вместе со всей страной пережил глубокий

социально-экономический кризис. В результате в районе значительно сократилось поголовье скота, пришли в упадок многие предприятия.

На 1 января 2009 года в районе насчитывалось 73 населенных пунктов, в том числе 1 город областного подчинения, 72 села, объединенных в 15 сельских округов. Наиболее крупные – Мангутское, Покровское, Черемновское, Князевское, Большепесчаное, Утинское. В районе работают учреждения культуры: 33 библиотеки, 46 учреждений клубного типа, 2 музея, школа искусств, кинотеатр. Выходит районная газета «Наша Искра».

Несколько слов об Омске, самом большом и красивом городе моего детства и отрочества. Впервые в областном центре я оказался летом 1956 года. Вместе с отцом, который навещал своего родного брата, живущего в Амурском поселке. Мне, деревенскому мальчишке, в огромном городе все и вся было очень интересно. Я то и дело глазел на трамваи, которые громыхали в самом центре города. Нравилась и троллейбусы, которые издавали, как мне тогда казалось, прерывистые звуки и почему-то не дымили, и не урчали, как десятки грузовых автомобилей или легковушек, пронесившихся по городу. Нравилась мальчишке и огромные здания, которые то и дело встречались на его пути. Без ума я был и от высокой башни красного цвета, она находилась неподалеку от вокзала.

И не только архитектурные достопримечательности в этот день сельского мальчика удивили. За час до отъезда домой мы приехали на железнодорожный вокзал г. Омска. Отец купил билет, затем мы спустились вниз и оказались на привокзальной площади. Неподалеку от входа возле небольшой тачки или тележки стояла пожилая женщина в белом халате и с белым чепчиком на голове. Неожиданно отец рванулся вперед, я остался позади. Семенил, шел мелкими шажками. Отстал не только по этой причине. Прямо перед моим носом появились двое военных. На их плечах были автоматы. Я невольно остановился. «Живой» автомат я видел впервые в своей жизни. Солдаты, скорее всего, заметили нескрываемое любопытство мальчишки. Один из них подошел ко мне, и держа автомат перед моей физиономией на расстоянии вытянутой руки, улыбнулся. Я от неожиданности растерялся. Автомат был новый, и как мне тогда казалось, чем-то пахнул. Я слегка икнул и затем своей маленькой ручонкой погладил металлическую часть огнестрельного оружия. На этом мое знакомство с ним закончилось. Передо мной стоял отец, в руке у него было мороженое. Сладкое кушанье из сливок, сахара, сока ягод, ароматических веществ было для меня несбыточным желанием. Я до сих пор его не кушал. Отец слегка похлопал меня по плечу, протянул мне вафельный стаканчик. И мы тут же направились в сторону небольшого сквера, расположенного напротив вокзала. Присели на скамейку. С мороженым я расправился в один присест. Затем невольно поднял глаза вверх и на некоторое время замер. Передо мною на невысоких постаментах стояли во весь рост памятники Ленину и Сталину. Об этих людях я был уже наслышан от родителей и знакомых. Я быстро вскочил и стал внимательно рассматривать металлические фигуры не то черного, не то серого цвета... Вскоре мое любопытство исчезло. Причиной этому были голуби, их в сквере было около десятка. Для меня они также были в диковинку. Я то и дело подбегал то к одной, то к другой кучке птиц с серовато-голубым или белым оперением. К моему удивлению, они почему-то мигом взлетали вверх...

В годы моей молодости в г. Омске были возведены сооружения, имеющие важную социальную значимость: Главпочтамт, цирк, театр юного зрителя, универмаг «Детский мир», магазин «1000 мелочей», крытые рынки в Центральном и Ленинском районах, областная клиническая больница с поликлиникой, городская стоматологическая клиника, гостиница «Омск», мотодром, бассейн «Пингвин», стадион «Красная звезда». Ежегодно строилось 300–400 тыс. кв. м жилья. Омск занимал ведущие позиции среди городов Советского Союза по озеленению.

Перед отъездом в Германию я сходил на кладбище своей родной деревни, простился с близкими. Три маленькие березки, которые посадили мои братья возле могилы родителей, стали мощными и красивыми. В народе есть присказка. Жизнь состоялась, если дети хоронят

своих родителей. Дай Бог, чтобы подобное было в каждой семье. Для меня, как и для моих братьев, присказка имела очень горький осадок, привкус. Мать умерла в сорок лет, отец ушел в мир иной в шестьдесят, через десять месяцев после ухода на пенсию. Родители были и остаются для меня надежным ориентиром, моральным маяком в жизни.

Оглядываясь на прожитое, уже по-иному понимаешь сложные жизненные перипетии, в которых оказался ты или твои родные и близкие люди. После смерти моей матери я и четверо братьев в один миг стали сиротами. И в этот трудный момент к нам на помощь пришла Мария Ильинична Федюнина. Она в то время работала заведующей почтового отделения села Утичье. Я до сих пор благодарен ей в воспитании и становлении моих братьев, она также подставило плечо в далеко нелегкой жизни и моему отцу.

Затем я прошелся по погосту. Нередко навертывались слезы. Многие захоронения от ветхости были без крестов. Я невольно подумал. Вот так и исчезает память о человеке, исчезает навсегда. Из моей памяти, да и моих односельчан исчезла еще одна звездочка, которую звали «Человек». И ее уже никто больше не воскресит ни в жизни, ни в истории. Многие люди жили и живут по принципу Ивана не помнящего своего родства. Жизнь человека для некоторых из нас не стала наивысшей ценностью. Как и сама история. Это мы не понимали в детстве, к сожалению, не понимаем и сейчас, в зрелом возрасте.

Еще страшнее – смерть сельского (крестьянского) поселения. Прекращение жизнедеятельности деревни, которая была во все времена предтечей появления человеческого общества, его экономического и культурного развития – поистине трагическое событие. Драгунка, классическая российская деревня находится в агонии. Она умирает еще живой, используя любую возможность для продления своего существования. К сожалению, власть не помогает ей в трудный момент. Она, наоборот, делала и делает все и вся для быстрее издыхания моей малой родины. В итоге вместо некогда цветущего села, в прошлом центра волости, появится очередной кусок земли, который зарастет бурьяном. Не исключением в этом будет и деревенское кладбище, где покоятся мои предки. В результате трагического исхода раз и навсегда прервется взаимосвязь поколений, их история, все то, что необходимо для прошлого, настоящего и будущего человечества. Автор пытается хоть в какой-то степени восполнить историю своей малой родины.

Необходимо сделать правилом, чтобы администрация села, района или города "вели" Историю малой родины. Без этого Россия, как цивилизованное государство, не может существовать. Без этого она не сумеет сохранить ни культурные ценности, ни традиции как глобального, так и малого семейного масштаба...

Детство для меня, как и для миллионов моих сверстников, осталось далеко позади. Никому из нас, к сожалению, его не удалось остановить. В связи с этим невольно вспоминаются слова из известной песни «Детство мое, постой»:

Детство мое, постой,
Не спеши, погоди.

Дай мне ответ простой –
Что там впереди?

Для меня особенно трогательные следующие строфы о детстве из этой песни:
Ты погоди, погоди уходить навсегда,
Ты приводи, приводи, приводи нас сюда
Иногда...

Несмотря на жизненные трудности, у меня о детстве остались очень теплые воспоминания. Я всегда хранил и сохраняю до конца своей жизни также благодарную любовь к тому месту, откуда берет начало жизни каждого из нас – к отчему краю. Именно благодаря малой родине, в нас закладывались истоки настоящих человеческих ценностей. Мы были людьми сострадания,

честности и порядочности. Именно здесь мы получали первые представления о добре и зле, красоте и уродстве. Именно здесь мы впервые формировали свои понятия о чести, совести и достоинстве человека. Для меня любимый край, отчий дом, где люди никогда не ввали. В мои молодые годы в обществе господствовал культ ума, образования, поиска творчества и карьерного роста.

Мы радовались не только своим личным успехам, но и той стране, где мы родились. Она имела для всех и каждого единое название – Родина. И это происходило несмотря на то, что наши предки, родители приехали из разных концов огромной страны. Мало того. Многих из них прошли суровые испытания: кто был раскулачен и выслан, кто был незаконно репрессирован и т. п. Они и мы были разные разные по возрасту, характеру, но нас объединяло одно, оно было единым для нас всех – маленький кусочек земли. Название ему – малая родина, этот заветный уголок, который навсегда остается в душе.

Куда бы не бросала меня судьба, я всегда помнил о своей малой родине. Мне по сей день кажется, что мне из прошлого машут мои детские ладони. И все это прошлое призывает меня делать людям добро. Однажды еще будучи молодым человеком, я был в г. Называевске, и увидев бледные лица двух подростков, которые что-то искали в мусорном ящике, подарил им определенную сумму денег. В пассажирском поезде, идущим на запад страны, накормил мать и ее двоих детей. Перед уездом в Германию подарил мебель и две книги по истории Омской области двум сиротам, которые учились в десятом классе. Почему это я сделал? Я как никто другой знаю цену куску хлеба, тяжесть крестьянского труда, как и ценность человеческих отношений. Я никогда не забывал своих корней, откуда я пришел.

Понятие «малая родина» я никогда не связывал ни с партиями, ни с режимами или диктаторами. Любовь к родному пепелищу, к отеческим гробам – специфический индикатор, показывающий отношение человека не только к своим предкам, но и его личностные качества. Это есть также и душа человека.

И не только это. В понятие малой родины я еще вкладываю и ее историю. История малой родины – основа истории любого государства или общества. Я всегда был гражданином малой родины и делал все возможное для ее самоутверждения. И чем больше людей подобное делают, тем цивилизованное будет наше Отечество, наша Малая родина.

И еще одна мысль. Малая родина, есть ничто иное как семья. От ее сплоченности, единства зависит не только экономическая мощь страны, но и ее безопасность. И счастлив тот, кто после скитаний по большой родине или по миру вновь возвращается домой – на малую родину. Пусть даже и в душе. Первое и второе называется человеческой жизнью.

К сожалению, в последнее время всевозможные писаки, приспособленцы и перевертыши прилагают немало усилий для разжигания конфликта между поколениями, противоборства между отцами и детьми, стремятся в очередной раз исказить прошлое. И эти инсинуации осуществляется под эгидой правящих режимов. Подобное уже было в истории нашего государства, да и в мировой истории. Без всякого сомнения, это напрасные потуги.

Отцы и дети, как и поколения, не могут жить друг без друга, как и не может быть глупых или умных поколений. Каждый из них, из нас умен по-своему. Общеизвестно одно и это аксиома. Предки определяют основу для последующих потомков. Таким образом, создается материально-техническая база и все другое для их бытия и духа. Без такой взаимосвязи, взаимозависимости человечество не может существовать. Оно обречено на погибель.

Я никогда не осуждал и не осуждаю своих предков. Наоборот, я ими всегда гордился и горжусь. Наше поколение, как и последующие, не имеют право переписывать историю отцов, предков в угоду того или иного режима или партии. Они жили своим временем, своими измерениями и понятиями, мы – своими. У нас с ними было и есть одно общее – жизнь. Вместе с тем, мы должны делать выводы из жизни наших предков и на этой базе определять судьбоносные вопросы своего сообщества. При этом не забывая о своих потомках.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

КУРСАНТСКИЕ БУДНИ

Наступил 1968 год. Для меня он был не только очередным годом возмужания, но и временем определения профессии. От правильного выбора основного вида деятельности зависела моя жизнь, будущее. И это будущее, как и успех моей карьеры, я связывал со знаниями.

Каких-либо головоломок о специфике основного рода трудовой деятельности у выпускника средней школы не было. Инженером, учителем истории или агрономом я не хотел. К медицине вообще не тянуло. Мечта стать политиком или журналистом-международником все больше и больше меня преследовала. Иногда я напрочь отметал подобные грезы. Крестьянскому сыну из глухой сибирской деревни в общество самых умных людей, так я думал о них в те годы, никогда не попасть. Довольно часто оглядывался на предшественников или на одноклассников. Большинство из них после окончания восьмилетки поступали в техникумы, профессионально-технические училища. Некоторые оставались в селе, работали на ферме. Я все-таки решил получить среднее образование. Без него, как мне представлялось, мои мечты останутся только мечтами. И в этом я не ошибся.

Моя детская наивность еще усугублялась и тем, что я никакого понятия не имел о подводных камнях советского общества, например, о коррупции, преступности и т. д. Да и зачем было напрасно ломать голову?! Все и вся, включая родителей и учителей, говорило и трезвило одно: только советская молодежь имеет прекрасные

возможности для своего творческого и карьерного роста. Этот тезис руководящей силы общества, имя которой – Коммунистическая партия, я не подвергал сомнению. Главное условие любой профессии – хорошая учеба, и ты будешь в дамках.

Окунувшись в мир очередных грез, я обратился к своему учителю истории Смоличеву Виталию Яковлевичу. Он не только поддержал мою идею стать журналистом-международником, но и оказал практическую помощь. Через пару месяцев из Московского государственного института международных отношений (МГИМО) пришел ответ. Содержание небольшой бумажки меня сильно разочаровало. Членом КПСС я не был, рекомендаций областного комитета КПСС также не имел. Я до сих пор удивляюсь, как моему наставнику удалось «раздобыть» адрес очень престижного вуза в годы Советской власти. Я некоторое время ходил понурый, иногда допускал, что из столицы пришла просто-напросто отписка. Вскоре опустил на грешную землю. Я, как и мои одноклассники, членами КПСС не были, в партийных органах также не работали. Не имели они и протекции. Мы относились к когорте простых смертных. Все и вся постигали своим умом и трудом. Несколько позже я прозрел, стало все ясно. В «хлебном» вузе учились только отпрыски партийно-советской номенклатуры.

Однажды меня с грезами вообще зашкалило. Причиной этому была моя болезнь. Во время зимних каникул я сильно заболел. Мучил страшный кашель, сильно кружилась голова. Меня то и дело знобило или бросало в жар. Родители сразу же побежали в контору, надеялись на помощь медсестры. Вернулись ни с кем и ни с чем. Молодая практикантка по неизвестным причинам уже два месяца отсутствовала. Парадокс, но очень печальный. Мне никто не мог измерить температуру, так как во всей деревне не было градусника, прибора для измерения температуры. До медпункта села Черемновки, где я учился в девятом классе, добраться было невозможно. Перемерло дорогу.

Матери ничего не оставалось делать, как везти сына в г. Называевск, в районную поликлинику. Добирались довольно долго и с приключениями. Небольшой автобус, забитый до отказа пассажирами, в пути два раза сломался. На улице стоял сильный мороз. В поликлинике – очередные проблемы. У терапевта была большая очередь. До отправления автобуса оставалось чуть меньше часа, когда мать со слезами на глазах стала просить стоявших, чтобы они пропустили меня вне очереди. Нашлись добрые люди, пропустили. Врач, довольно молодой мужчина постучал руками по моей груди, покрутил мою голову в левую и правую сторону. При этом не удосужился измерить у меня температуру. Затем стал что-то записывать в свою тетрадь. На этом прием молодого пациента закончился. В итоге ни врач, ни пожилая женщина, сидевшая в регистратуре, каких-либо медикаментов больному не выписали. На вопрос матери о том, как лечить сына, она кисло улыбнулась и пожала плечами. Затем еле слышно сквозь зубы процедила: «Молодой, выздоровеет...»

Всю дорогу от Называевска до Драгунки я молчал. Разговаривать с самым близким человеком у меня не было желания. Меня мучила обида и также было стыдно, что я уже большой верзила прибежал к помощи своей матери, которая практически ничего хорошего в своей жизни не видела и не имела. Бесил меня и повседневный уклад сибирской деревни. Я тогда невольно думал: «Будь я Генеральным секретарем ЦК КПСС, даже и первым секретарем областного комитета КПСС, я бы не допустил такого издевательства над моими родителями и над собою». Домой мы приехали поздно вечером. На помощь мне пришла моя бабушка Лиза. По ее совету пил горячий чай с костяникой или сидел над кастрюлей с только что сваренной картошкой в мундирах. При этом на моей голове было большое одеяло. В эту ночь я старался как можно тише кашлять. В соседней комнате спали родители, им обоим предстояло вставать в четыре часа утра.

За пару месяцев до выпускного вечера к нам домой приехал директор совхоза. Было воскресенье. Появление местного начальника для меня стало полнейшей неожиданностью. Худощавый мужчина, российский немец, тепло со мною поздоровался, затем попросил меня выйти

во двор. Вскоре мы присели на скамейку в палисаднике. Гость начал разговор издалека. Все то, что он говорил, мне нравилось. И о моей учебе и моих родителях. Затем шеф стал рассказывать о проблемах села, о которых я ни чуть меньше его знал. Его предложение пойти учиться в Омский сельскохозяйственный институт по рекомендации совхоза, я категорически отверг. Отказался, несмотря на кучу льгот, которые давались в те годы сельским специалистам.

В девятом классе, осенью, меня как будущего призванного, пригласили в Называевский военкомат. Заключение медицинской комиссии было однозначно – признать годным к военной службе. Откровенно говоря, я в то время о службе вообще не думал. Все мое окружение и мысли не допускало, что меня возьмут в армию. Причину в этом они видели не в моем плохом здоровье, а в моих способностях. Мало кто сомневался, что я не поступлю в институт. Кое-кто из учителей агитировал меня в политехнический или педагогический институты. Учащихся высших учебных заведений в то время не брали в армию или давали отсрочку. Студенты вузов, где имелись военные кафедры, после окончания получали воинское звание «лейтенант» и проходили двухгодичную службу в Советской Армии.

После прохождения медицинской комиссии меня в свой кабинет пригласил работник военкомата, майор. Он занимался вербовкой молодежи в военные училища. В инженерные я наотрез отказался. Он тут же предложил Омское высшее командное и Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище. После длительного раздумья я выбор сделал на последнем. В конце концов оно было в какой-то мере связано с моей «гуманитарной» головой. Да и кто из солдат не мечтает стать генералом?! Во время собеседования в кабинет вошел гражданский. Мужчина лет сорока-сорока пяти, не больше. Чисто выбрит, с умным выражением лица. Да и одет он был неплохо, больше походил на «начальника» или профессора. Узнав о моем решении, он слегка похлопал меня по плечу и утвердительно кивнул головой. Поддержка моего выбора со стороны незнакомого человека меня окрылила. Поддержал выбор и мой наставник Смоличев. Папа на мое желание учиться в военном училище вообще не прореагировал. Мама была категорически против «военщины».

Через неделю после окончания школы я вновь оказался в Называевске, прошел медицинскую комиссию. Прошел успешно. В этот же день мне стали известны условия приема и перечень экзаменов для поступления в НВВПОУ. Затем мне предстояло прибыть в областной центр г. Омск, на сборный пункт, откуда в разные концы Советского Союза направлялись абитуриенты в военные училища.

День отъезда из глухой сибирской деревни Драгунка в большой мир я помню до мельчайших подробностей. Ночью практически не сомкнул глаз. Меня беспокоило самое главное и важное: правильный ли я сделал выбор профессии. Мало того. Волновало и то, смогу ли я сдать вступительные экзамены, тем более, в военное училище. Это не только знания, но и физическая подготовка. Последнее меня в принципе сильно не тревожило. В школе я бегал на различные дистанции, был в тройке лидеров. Неплохо ходил и на лыжах. В свободное время качал также свои мышцы. В огороде установил самодельный турник. Около трех десятков раз подтягивался, около дюжины – подъем переворотом.

Утро встретило меня далеко не идеальной погодой. Слегка моросил дождь, не появлялось и солнце. Природа, словно специально, решила меня не радовать. К обеду я уже окончательно собрался. Сборы были не долгими. Сначала обернул учебники за десятый класс, по которым мне предстояло сдавать экзамены. Оберточной бумагой послужили два экземпляра газеты «Омская правда». В одну из книг положил аттестат о среднем образовании. Отдельно завернул и комплект нательного белья. И весь этот пакет положил в сетку красного цвета, она стоила в то время 38 копеек. Одевание будущего абитуриента было очень скромным. Выполнил наказ капитана из военкомата. Он рекомендовал одеться как можно проще. По его словам, в случае поступления в училище, мою одежду сожгут. На мне была рубашка в клеточку, шаровары черного цвета, они стоили 1 рубль 90 копеек и спортивные тапочки.

За пару часов до отправления электропоезда со станции «Ошировский» в сторону г. Омска, я простился со своими родителями. Особенно тягостным было прощание с матерью. Она плакала, влажными были и мои глаза. На прощание она протянула мне десять рублей. В то время это были большие деньги. Я сначала наотрез отказался, не брал. С деньгами в семье была напряженка. Потом все-таки согласился. Билет до Омска стоил чуть меньше одного рубля. Пугала меня и неопределенность. Мы вышли в огород и вновь простились. Помахав рукой матери, я сначала двинулся по огороду, в сторону задворок. Едва перелез через ограждение, как пошел сильный дождь. В один миг мое одеяние стало мокрым. В тапочках то и дело хлюпала вода. Однако меня это не тревожило. Я беспокоился за сетку, в которой были документы и деньги. Я то и дело прятал ее под своей рубашкой. Через полчаса мне повезло. Путника, идущего по раскисшей дороге, догнал гусеничный трактор с тележкой, в ней были люди. Омичи, побывав в гостях у своих родственников, возвращались домой.

На остановочном пункте, в небольшом помещении, мне удалось немного обсохнуть, привести себя в порядок. Где-то под вечер я был уже в областном военкомате. Сначала прошел медицинскую комиссию. Медики, как мне показалось, очень бегло осматривали будущих офицеров. Скорее всего, верили районным комиссиям или надеялись на более тщательный отбор при поступлении в училище. Затем довольно упитанный майор зачитал названия училищ и попросил будущих абитуриентов подойти к столам, где лежали списки с их фамилиями.

В Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище из Омской области было 5 кандидатов. Мы мимоходом познакомились и вышли во двор. Подышать свежим воздухом или поговорить не удалось. Тут же подошел седовласый капитан и писклявым голосом извещал, что пассажирский поезд в сторону г. Новосибирска отправляется через два часа. Город уже был в плену темноты, когда группа молодых парней вышла на перрон вокзала. И тут меня кое-что удивило. Откуда ни возьмись к моим землякам подошло около десятка знакомых или друзей. Между ними завязался непринужденный разговор. Я слегка помахал им рукой и отошел в сторону. Стал глазеть за снующими передо мною пассажирами и на здание железнодорожного вокзала. Едва поезд остановился, я мигом вскочил в вагон и положил свои небогатые манатки в багажное отделение. И тут же про себя отметил. В поезде дальнего следования я был впервые в своей жизни. До этого ездил в электричке или в автобусе.

Ребята зашли в вагон перед самым отправлением поезда. И сразу же стали распаковывать свои небольшие чемоданы. В них была не только одежда, но и продукты питания. То и другое сильно подпортило мое настроение. Я невольно тяжело вздохнул и стиснул зубы. И тут же начал чертыхаться. Мне было уже семнадцать лет, и я до сих пор не понимал, что человека встречают по одежке. Тем более, при сдаче экзаменов. Еще в такое престижное военное училище. Дома у меня остался неплохой костюм, который я надевал один только раз – на выпускной вечер. Ругал себя и за то, что наотрез отказался от продуктов питания, которые предлагала мама мне в дорогу. Две куриные ножки и десяток пирожков с картошкой могли бы стократ подавить мое чувство голода. Во рту у меня уже довольно долго не было ни крошки. Земляки, увидев мой несколько недоуменный взгляд, быстро сделали «общаг» на небольшой подставке возле окна и жестом руки пригласили меня к трапезе. Я охотно согласился. Там, где в только что возникшей компаши был Олег. Это, скорее всего, и так должно было быть. Молодой человек среднего роста с вьющимися черными волосами, был несколько старше сотоварищей. Сразу же чувствовалось, что он не из глухой деревни. Он кое-что рассказал о себе. Он два года проучился в автомобильно-дорожном институте, потом бросил. По рекомендации отца подался в армейские политработники. Я неспеша жевал небольшой батон с куском колбасы и все больше тускнел. Мои одноклассники, двое из Омска, один из районного центра, были в костюмах и в нормальной обуви. Не говоря уже о новоиспеченном тамаше. На несостоявшемся инженером был довольно приличный костюм, черные туфли, белая рубашка и галстук с черно-белыми полосами.

Мало того. Мимолетное общение с себе подобными в один миг внесло существенные коррективы и в жизненные установки молодого жителя деревни Драгунка. Ребята то и дело бахвалились своими успехами в учебе и спорте, а также в общественной жизни. Кое-кто показывал похвальные грамоты и значки. Самый веселый из компании Александр, у которого были небольшие залысины на голове, кичился своим голосом. Он козырял тем, что в политическом училище его тенор, без всякого сомнения, пригодится. Я, как обычно, молчал. Каких-либо выдающихся способностей у меня не было. Не было великих или одаренных и в моем роду. Родители были простые работяги совхоза «Озерный», который также ничем не отличался от сотен ему подобных. Мои деды и бабушки по обеим линиям, будь то из Украины или России, миллионы не заработали. Я невольно опустил голову и едва заметно вздохнул. С такими гигантами учебы, спорта и одежды, мне колхознику, придется очень трудно...

Мой упадок душевных и физических сил восстановился к обеду следующего дня. В центр Сибири мы приехали ранним утром. До всемирно известного Академгородка добрались на маршрутном автобусе. Быстро и без всяких приключений. Едва мы приблизились к небольшому плацу, который примыкал к трехэтажному зданию, как перед нами выросла парочка сержантов. Они стали интересоваться очередной группой абитуриентов. Затем повели нас в сосновый бор. К удивлению омичей, их ожидала не добротная казарма, а большой палаточный городок, где уже сновали десятки, а может и сотни молодых парней. К нашей общей радости нашу компашку в основе своей сохранили. Мы оказались в разных отделениях, но в одном взводе. Командиром отделения и заместителем командира взвода были военнослужащие срочной службы. Я позже узнал, что они уже успешно сдали экзамены и были зачислены в училище.

Первые часы пребывания в палаточном городке кандидата в офицеры из глухой сибирской деревни сильно утомили. Особенно всевозможные переклички и проверки бумаг. Сказывалась также и физическая усталость. Было уже за полдень, как дневальный по палаточному городку объявил, что состоится построение – следование на обед. Абитуриенты вмиг отлучились от своих дел. Вскоре молодые люди построились повзводно, в колонну по три, и двинулись в столовую. Небольшое помещение находилось в тыльной части учебного корпуса. Лишь после того, как я с треском уплел тарелку борща и несколько кусочков мяса с гречневой кашей, и запил компотом, я обрел второе дыхание. И невольно подумал, что с голодухи и с такими харчами можно дальше жить. Оставшаяся часть дня была отдана личному времени. Оно ушло на получение матраца, одеяла, подушки и других постельных принадлежностей. Затем нас ознакомили с расположением лагеря, проинструктировали о порядке поведения абитуриентов во время сдачи вступительных экзаменов.

На следующий день началась проверка физических данных вновь прибывших. Сюда входило: подтягивание на перекладине, бег на сто метров, кросс на три километра. Все и вся проводили и контролировали сержанты. Кое-где появлялись и офицеры. Из нас мало кто вникал в эти подробности. Было не до этого. Каждый прекрасно понимал, что военная служба – прежде всего отличная физическая подготовка, выносливость. Без этого не может существовать армия, притом любая армия. И уже в первые часы проверки абитуриентский корпус понес значительные потери. Кое-кому давали очередную возможность доказать свои физические способности. В случае «неуда» маломощного молодого человека тут же вычеркивали из списка претендентов. Ничто не помогало. Ни мольба, ни почетные грамоты из обкома комсомола, ни аттестаты. Во время очередной поверки вместе убывших прибывали новые кандидаты.

Понесли потери и омичи. Владислава отчислили из-за неудовлетворительной оценки во время кросса на три километра. Молодой парень, почти двухметрового роста, подошел к своим землякам, каждого слегка похлопал по плечу, и еле сдерживая слезы, объяснил причину своего неудачи. Сопереживания и поддержка товарищей ему не помогли. Он сильно стиснул зубы, махнул рукой и тут же ринулся в сторону дежурного по лагерю. Возле небольшой палатки

стояла довольно приличная группа молодых парней. Они были с чемоданами и сумками. Для них военное училище было закрыто. Закрыто, как правило, навсегда.

Физические преграды я прошел успешно. Двадцать раз подтянулся на турнике и сделал пару раз подъем переворотом. Пробежать сто метров и кросс мне также большого труда не стоило. Я был в первой пятерке. Вместе с тем, без нервотрепки не обошлось. Причиной этому была моя неблагозвучная фамилия. В одних списках я был Коза, в других – Козлов, в-третьих – Козов. Пришлось доказывать, что я лишь Коза, а никто другой. Всех тех, кто сдал нормы ГТО, ждало очередное испытание – медицинская комиссия при училище. Очередной барьер также выкосил несколько десятков абитуриентов.

После недельного пребывания в палаточном лагере у меня, физически развитого и здорового молодого человека, сложилось двойное впечатление о подобных мне. Отчасти мне было жалко ребят, которым, скорее всего, от рождения или от природы не было дано пройти эти испытания. Одновременно в моей душе было и радостное чувство. Я не хотел быть среди тех, кто с понурым видом покидал всемирно известный Академгородок Сибирского отделения Наук СССР. И таких неудачников были десятки, сотни...

Наступила пора сдачи экзаменов. Абитуриенты, которые были признаны годными к военной службе, уже несколько оперились. Несмотря на гражданское одеяние, они молодежато ходили по училищу или палаточному городку. Кое-где собирались небольшие компашки. Однако подобное поведение во многом было напускным, искусственным. Абсолютно все понимали, что наступила для каждого из нас решающая фаза – сдача экзаменов. И кое-кто делал все возможное и невозможное, чтобы оказаться в стенах очень престижного военного заведения.

Несмотря на свой очень мизерный жизненный опыт, который я почерпнул из небольшой деревни Драгунка, я понимал, что «байки» о справедливом обществе есть ничто иное как туфта. Свидетельством этому была часть абитуриентов. То и дело по училищу шныряли офицеры с большими звездами на погонах, за спинами которых шли их чада в гражданской форме. Были и гражданские дяди с серьезными или умными физиономиями, которые на какое-то время скрывались в кабинетах. Нередко перед входом в училище останавливались разных цветов «Волги» и другие автомобили. Для меня жителя глухой сибирской деревни чудом техники был старенький «Запорожец» и пара мотоциклов с коляской, которые изредка проносились по пыльной улице, сопровождаемые завистливыми взглядами односельчан.

Нагоняли тоску и десятки молодых ребят, которые с независимым видом шагали среди мне подобных, бравируя приличным одеянием и небольшими папочками под мышкой. У всех было на слуху, что в престижное училище нужны не только физически развитые ребята, но и творческая молодежь. Комсомольские вожаки, певцы, музыканты, даже писари, не говоря уже о молодых коммунистах для подобного заведения – лучшие кадры. У меня же такой "материальной" базы не было. Я это прекрасно понимал. Понимал и то, что мне, крестьянскому сыну, нечего терять кроме своих цепей. Одно у меня было – мои знания. И здесь тоска несусветная. Какие знания я мог получить в глухой богом забытой деревне?! Учителя довольно часто болели, материально-техническая база сельских школ, без всякого сомнения, уступала городским. После завтрака каждый абитуриент работал по своему плану. Я брал книги и уходил в сосновый бор. Садился под сосну и принимался учить. Иногда делал передышку. И делал это сознательно. За все годы учебы в школе мне не везло. Мне не попадал ни один вопрос из экзаменационного билета, который я хоть за пару часов повторял. Приводил меня в уныние и смех молодых людей, который раздавался из разных уголков соснового бора. Кое-кто из абитуриентов успел завести девочек, возможно, они были для них просто знакомыми или родственниками. Однако моя апатия была молниеносной. Я вновь открывал учебники и углублялся то в историю, то в математику или русскую литературу.

Первым экзаменом было сочинение. Предлагались три темы, две были посвящены литературным произведениям, одна – свободной. Я выбрал последнюю. Сделал попытку объяснить

свое понимание, что такое коммунизм и что означает быть коммунистом. Тема была в какой-то мере не только знакомой, но и привлекательной. Три часа пролетели словно один миг, но я нисколько не отчаивался. В сочинении были не только мои мысли, но и кое-что из работ классиков марксизма-ленинизма по данной проблеме. В этом плане мне помогли вывески и плакаты с их словами, которыми был напичкан актовый зал училища. За пару дней их содержание я знал наизусть, со всеми знаками препинания. На следующий день объявили результаты. Они были удручающими. Из пятидесяти человек – трое получили оценку «хорошо», девять – «удовлетворительно», остальные – двойки. К моему удивлению, моя фамилия не была озвучена, не было ее и в списках. Я сразу же кинулся к приемной комиссии, которая сидела за длинным столом. Я нисколько не сомневался в том, что причиной «отсутствия» была моя неблагозвучная фамилия. Однако ошибся. Миловидная женщина из Новосибирского государственного университета, председатель экзаменационной комиссии, едва я представился, широко улыбнулась и еле слышно произнесла:

– А ваше сочинение, молодой человек, мы, члены комиссии, до сих пор не могли по настоящему оценить. – Заметив явное недоумение на лице юноши, она в том же духе продолжила. – Причиной этому ваш почерк...

Я с облегчением вздохнул и невольно подумал: «Еще есть какая-то надежда на то, что я не двоечник...». Минут пятнадцать я вел оживленный разговор с членами экзаменационной комиссии, среди которых были полковник и два подполковника. Мою ситуацию усугубляло то, что они задавали дополнительные вопросы по пониманию темы, которую я изложил на своих страницах. Подвели итоги: грамматических ошибок в сочинении не было, правда, под вопросом стояла правильность постановки запятой в одном из предложений. Я не стал ее оспаривать, честно говоря, боялся сумничать. Все решили: за содержание сочинения поставить «пять», за грамматику мнения разошлись. Двое военных, в принципе, стояли за оценку «пять», председателя комиссии была против. Она протянула мне руку, мило улыбнулась и без обиняков сказала:

– Молодой человек, Вы написали сочинение лучше всех в группе, и это произошло благодаря Вашему таланту и нам, членам экзаменационной комиссии, которая сделала исключение абитуриенту, пишущему необычным почерком. Я думаю, что Вы не обидитесь, если мы Вам поставим общую большую «четвертку» с большим жирным плюсом.

Я от радости несколько поперхнулся или даже потерял дар речи. Вместо четких слов благодарности что-то промямлил себе под нос. Однако вскоре оживился и сказал: «Спасибо, большое спасибо...».

Под одобрительное шептание членов комиссии я тут же покинул аудиторию. Вышел на улицу, присел на скамейку. Попытку оспорить решение комиссии через пару минут я погасил. Из-за какой-то запятой не стоит поднимать «кипиш». Экзамены только начались. К тому же я не так уже и плохо сдал первый экзамен по сравнению с другими абитуриентами. Сильнейшие провалы при сдаче русского языка и литературы довольно основательно выкосили кандидатов в офицеры. Из моего взвода, в котором было около тридцати абитуриентов, осталось меньше половины. Значительно поредели наши ряды и после очередных экзаменов. Историю СССР и математику я сдал на «хорошо». В итоге набрал 12 баллов.

28 августа 1968 года я был зачислен в училище, стал его курсантом. В этот же день написал письмо в Драгунку. Прекрасно понимал, что мои родители сильно переживали за меня. Лишь одев курсантскую форму, я основательно успокоился. Своей цели я достиг. Несмотря на то, что конкурс в престижное заведение был очень большой – около 20 человек на одно место.

Экзаменационная пора была насыщена также и всевозможными общественно-политическими мероприятиями. Среди них наиболее значимой была информация о вводе армией Варшавского договора Чехословакию. По этому вопросу выступали не только офицеры, но и

ученые из Академгородка.

Несколько слов об истории моего училища. Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище основано 1 июня 1967 года для подготовки кадров офицеров-политработников ротного звена. Оно размещалось в Академгородке, в бывшем здании физико-математической школы. Первоначально в нем находилось практически все училище.

Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище

С первых же дней учебы я понял, что в принципе в выборе своей профессии не ошибся. Одновременно не отрицал и то, что мне, вчерашнему школьнику, армейская служба казалась уже не столько и романтической. Тяжеловато было в первые месяцы. После приказа о зачислении, первокурсников разместили на втором этаже трехэтажного здания. Спальное помещение нашего взвода находилось с правой стороны от центрального входа. Внизу была небольшая комната, где размещался дежурный по училищу. В первый же день командир отделения, сержант, бывший военнослужащий, определил мне спальное место – второй ярус. В этот же день я «получил» свое место и в строю. По росту я занимал «золотую серединку», возглавлял вторую пятерку. После принятия военной присяги нагрузки значительно возросли. Мы стали ходить в караулы.

На втором курсе обучения 2-й курсантский батальон был размещен в новой только что построенной казарме. Наш взвод (62-й) расположился на первом этаже с правой стороны от входа в казарму. Второй подъезд для шестой роты был закрыт. Этажами выше соответственно располагались остальные две роты и управление батальона. В новой казарме уже не было двухъярусных кроватей, что жилами было воспринято положительно. Было уже не страшно, что ночью кто-то на тебя упадет или спросонья сам «боднешь» металлическую раму наверх.

Несколько позже, я узнал, как наши местные светила расшифровывали слово «курсант» – колоссальная универсальная рабочая сила, абсолютно не желающая трудиться. На самом деле это было далеко не так. Все и каждый из нас делал для всех и для себя. Каких-либо исключений не было. В казарме убирали, чистили и тому подобное только сами курсанты. Если кое-кто и забывал о своем прилежном виде, ему довольно часто об этом напоминали. Ежедневно проводились утренние осмотры, периодически строевые смотры.

Особенно доставалось первогодкам во время несения внутренней службы. Она включала в себя не только несение караульной службы, дежурство по роте, но и наряды на кухню. Посуду сначала мыли руками, несколько позже появилась посудомоечная машина. Чудо техники довольно часто выходило из строя. Посудомоечное отделение, в котором стояли горы

грязной посуды и витали пары от горячей воды, вперемешку со специфическим запахом, особой популярностью среди будущих офицеров не пользовалось. Как и не в почете было несение караульной службы, особенно, зимой. Больше всех доставалось тем, кто осуществлял охрану боевой техники. Она стояла в то время под открытым небом. Сильный мороз и ветер давали о себе знать. Иногда не спасал от холода и армейский полушубок. Во избежание обморожений нередко сокращали время пребывания на посту.

Докучала нам, хотя и накачивала мышцы, повседневная уборка территории, закрепленная за тем или иным взводом. Особенно приходилось «пахать» зимой, когда горы снега накрывали строевой плац. Не давали расслабляться и известные в то время 500 сибирских километров. Каждый воин-сибиряк обязался за период службы эти знаменитые километры пройти на лыжах. Неподалеку от училища была проложена лыжная трасса с освещением. Как правило, ее использовали во время утренней зарядки.

Через несколько месяцев учебы меня постигла по-настоящему человеческая трагедия. 25 мая 1969 года умерла моя мама. От роду ей было всего 39 лет. Пятерым сиротам было: старшему – мне, 18 лет, самому младшему – четыре года. Получив телеграмму, известившей о смерти моей матери, я ринулся в сосновый бор, упал на землю и дал волю своим слезам. Утром следующего дня я был в своей родной деревни.

Я сильно переживал невосполнимую утрату. Смерть самого близкого человека на какой-то миг погасила для меня солнце, желание не только к чему-либо стремиться, но и жить. Почти полгода я был исключен из курсантской жизни. Думы в то время были по своему содержанию разные. Светлых практически не было. Да и откуда они могли появиться у молодого человека, который за свою жизнь очень мало общался со своей матерью?! Школьные годы были насыщены учебой, притом два года я был вне дома. Потом училище... Не имела возможностей для общения с детьми и моя мать. Она практически с раннего утра до позднего вечера была на ферме. Приходила домой на пару часов и тут же впрягалась в домашнее хозяйство. На общение с детьми у молодой женщины оставалось ничтожно мало времени.

Я много раздумывал о причинах смерти мамы. Вывод был далеко неутешительный: никто из руководства совхоза не дал возможности для лечения трудолюбивой, порядочной женщины. Для власти любого формата нужна была лишь трудовая единица, которая работала без выходных, без отпуска, одним словом, рабыня. Болезни в счет не брались. Подобная судьба ожидала миллионы жителей села.

К сожалению, не избежала трагической участи и моя мама. Молодая женщина была и остается для меня до сих пор символом человечности, доброй матери, порядочной женщины, заботы о своих детях. Мать – это божий дар. Любовь матери бессмертна и бесценна. Смерть матери в какой-то степени закалила меня, заставила по-другому смотреть на этот мир. Чем больше я вырос, тем больше понимал, что он далеко несправедлив.

Первый год обучения в училище привел меня к определенным умозаключениям. Высокие требования, предъявляемые к курсантам, окупались стoriцей в армии, в войсках. В этом я убедился во время первой стажировки в должности командира взвода. Это было в июле 1970 года. Направили меня в укрепленный район Билитуй Забайкальского военного округа, он находился в двух шагах от китайской границы.

Несколько слов об особенностях военного округа и службы. Ухудшение советско-китайских отношений привело к тому, что в течение нескольких десятилетий Забайкалье являлось одним из самых милитаризованных регионов Советского Союза и России. Самыми крупными гарнизонами советского военного Забайкалья были Даурия (мотострелковая дивизия), Борзя (мотострелковая дивизия и штаб армии), Чита-46 (дивизия РВСН), Сретенск (мотострелковая

дивизия) и Безречная (танковая дивизия). Воинские части стояли примерно в 120 населенных пунктах Читинской области.

Обстановка на советско-китайской границе во время стажировки была довольно опасная. На слуху у всех жителей Советского Союза были кровавые события в марте 1969 года на острове Даманский, на реке Уссури, где китайцы обстреляли советский пограничный наряд, убив несколько человек. Крупные китайские силы высадились на острове, будучи хорошо подготовленными к ведению боевых действий. Попытки восстановить положение с помощью советских мотострелковых подразделений успеха не имели. Тогда советское командование применило систему залпового огня «Град». Китайцы были фактически уничтожены на этом небольшом острове (длиной около 1700 м и шириной 500 м). На этом активные боевые действия фактически прекратились. Однако нарушения продолжались... Во время пограничного конфликта погиб старший лейтенант И. И. Стрельников, начальник заставы. Омич.

Я не участвовал в боевых действиях на Даманском, но за реальным противником мне, как и моим подчиненным, приходилось следить день и ночь. И это продолжалось в течение месяца. Впереди нас стояли только советские пограничники. Молодому курсанту, которому было девятнадцать лет, этого же возраста были и некоторые солдаты, на первых порах пришлось очень туго. Перед ними стояла боевая задача: в случае нападения противника надо было продержаться два часа, до подхода основных сил дивизии из поселка Даурия. «Смертники» находились в дзотах, которые еще в свое время строились под руководством знаменитого генерала Д. М. Карбышева. Огромные дзоты состояли из четырех этажей. Вверху было боевое отделение. До сих пор помню большие станковые пулеметы, которые перемещались на полусогнутых рельсах. Боеприпасов и оружия было хоть отбавляй.

Первые два дня молодой командир взвода не спал. Он следил ни только за своими подчиненными, но и за участком советско-китайской границы, который ему предстояло защищать. Рубеж между территориями определялся узкой нейтральной полосой и малозаметным заграждением из проволоки. По ночам часть нашей территории то и дело освещалась прожекторами.

Уже в ту пору я понимал, что означало быть советским офицером. Воочию соприкоснулся с их повседневной жизнью и членов их семей. Она была очень тяжелая. Присказка молодых людей со звездами на погонах: «Лучше в папаше по Арбату, чем в лампасах по Чите» запомнилась мне на всю жизнь.

Моя вторая стажировка в войсках, уже в должности заместителя командира роты по политчасти, проходила в селе Георгиевка Семипалатинской области, где дислоцировался мотострелковый полк. Среднеазиатский военный округ. Первую же ночь спал в кровати, в помещении одного из взводов. Рано утром меня разбудил дневальный и сказал, что в канцелярии меня ожидает командир роты. Через несколько минут я вошел в небольшое помещение и увидел перед собою узбека в офицерской форме. Лейтенант сидел за столом и читал детский журнал «Мурзилка». Увидев меня, он широко улыбнулся и протянул руку для приветствия. И тут же попросил меня присесть. Информация двухгодичника в прямом смысле курсанта шокировала. Мотострелковое подразделение полного состава в этот период оказалось без офицеров. Один взводный был в отпуске, другой лежал в госпитале. Третий находился в длительной командировке. Был небоеспособен и сам ротный. Он уже второй день находился в отпуске. Его молодая жена вот-вот должна была разродиться. Все и вся предстояло делать и исполнять стажеру. Перед тем как покинуть канцелярию, лейтенант слегка похлопал курсанта с красными погонами по плечу и с улыбкой произнес:

– Слушай, будущий генерал, меня больше не кантовать... – Заметив недоуменное выражение новоиспеченного командира, в том же духе продолжил. – За мной пошлешь гонца лишь в двух случаях. Первое, когда казарма полностью сгорит... И второе... Вызовешь – когда начнется мировая война...

Слова узбека оказались пророческими. Казарма не сгорела, не было и мировой войны. Свободного времени, как такового, у командира, он же замполит, он же трое взводных, практически не было. Не было походов на лоно природы или в очаги культуры. Днем стояла невыносимая жара, вечером было страшно холодно. Да и особого желания разнообразить свою жизнь у молодого человека не было. Усталость брала свое. После команды «отбой» он падал в кровать, которая стояла в канцелярии роты, и по самую голову укрывался одеялом. Вставал также по команде дневального. Довольно часто и без него. Ночью проверял караулы...

Несколько слов о преподавателях и наставниках военного заведения. Первым начальником училища, принимавшим непосредственное участие в его создании, был генерал-майор В. Г. Зибарев. Одно время я был посыльный к нему на случай боевой тревоги. Основы научно-педагогического и воинского коллектива закладывали опытные командиры и политработники, которые не жалели сил и времени для оперативного, своевременного и качественного решения поставленных перед училищем задач. Среди них: Б. Н. Волков, А. Г. Демаков, И. П. Черных, Р. И. Абаев, педагоги – В. П. Измайлов, Н. И. Куряшов, Б. В. Корниенко, Н. В. Солнцев, Ф. Ф. Лопатников, Е. В. Абрамов, Ю. И. Калетник, И. П. Киселев и многие другие. С теплотой я вспоминаю и своего командира роты майора Л. Р. Мкртчянца.

Перед курсантами училища выступали академики с мировыми именами: М. А. Лаврентьев, А. А. Трофимук, Г. И. Марчук, С. Л. Соболев, А. П. Окладников, А. В. Николаев, член-корреспондент Академии наук СССР А. Г. Аганбегян и многие другие.

Действенной формой улучшения учебно-воспитательной работы в училище были тесные связи преподавателей с институтами и кафедрами Сибирского отделения АН СССР. Ученые некоторых институтов читали лекции, проводили занятия с курсантами. Только за первые пять лет, с 1967 по 1972 годы, училищем в содружестве с Новосибирским научным центром и вузами города было подготовлено 9 кандидатов наук, три преподавателя приступили к работе над докторскими диссертациями и 20 над кандидатскими. Курсанты старших курсов выступали с докладами перед рабочими заводов «Сибсельмаш», имени В. П. Чкалова, Бердского радиозавода, а также с трибун межвузовских олимпиад, студенческих конференций, часто завоевывали призовые места.

Интересен тот факт, что до 1976 года училище не имело ограждения. Приказом по училищу было объявлено о границе его территории, уход за которую означал для военнослужащего самовольную отлучку. Курсанты называли объявление границы территории училища «моральным забором» и в подавляющем своем большинстве строго их соблюдали.

По мере учебы я все больше и больше убеждался, что наше училище набирает «вес» не только среди высших военных заведений, но и среди гражданских вузов. Свидетельством этому явилось то, что дети некоторых известных ученых учились в НВВПОУ. Меня это радовало.

Несколько слов о моей учебе и поведении. Учился я неплохо, два года был отличником учебы. Морально-политический облик мой был также неплохой, но до идеального не дотягивал. Это выражалось в том, что я нередко ставил под сомнение некоторые опусы, написанные в учебниках.

Не исключением этому была и реальная действительность. Первая попытка вступить в ряды КПСС окончилась неудачей. Исход второй некоторое время держался на волоске. Одному из членов партийного бюро батальона не понравилось мое заявление. Я написал: «Прошу принять меня в ряды КПСС, хочу быть настоящим коммунистом». Майор, это был мужчина высокого роста и слишком худой, с некоторым презрением посмотрел на меня и сквозь зубы процедил: «Товарищ, курсант, а я что не настоящий коммунист?!».

Я некоторое время «кумекал», искал выход из неординарной ситуации. Не сомневался, скажи правду об этом долговязом верзиле, что он нередко появляется в казарме под «мухой», меня тут же выгонят из кандидатов в члены партии. Я тяжело вздохнул и посмотрел на активистов батальона. Не знаю, чем закончилась бы моя очередная «закорючка», ежели бы на помощь

не пришел командир батальона. Полковник широко улыбнулся и попросил меня написать заявление по общепринятому трафарету. Я охотно согласился. Через десять минут я был в рядах партии. На дворе был июнь 1971 года.

Отличался я также своей непокорностью и принципиальностью. По этой причине нередко получал наряды. Один раз, например, это было на первом курсе, сцепился с сержантом. Он пришел в училище из армии. Розовощекий мордоворот в прямом смысле устроил душ в туалете перед моей сдачей этого помещения принимающей смене. В итоге я получил три наряда вне очереди. В свободное время чистил картошку на кухне. До гауптвахты чуть-чуть не дотянул. Дежурный по училищу, увидев во время физической зарядки курсанта в спортивной костюме, не на шутку взбеленился. Мое объяснение о том, что я имею разрешение на самостоятельное занятие спортом от командира роты, майора еще больше разозлило. Он тут же вызвал караульного и через пару минут я сидел уже в предбаннике «губы». Вскоре подошел командир роты и недоразумение было улажено в мою пользу.

Курсанты нашего училища, как и вся армия, были частью советского народа. Мы были патриотами своей страны. И не только. Мы в равной степени сопереживали и за все то, что происходило в мире. Моя учеба в НВВПОУ совпала со временем войны в Вьетнаме. США прибегли к прямой агрессии против вьетнамского народа. В 1964–1965 гг. они развернули воздушную войну против Демократической республики Вьетнам, в 1965 году ввели в Южный Вьетнам войска, взяли на себя непосредственное ведение войны против патриотических сил. В 1969 году было создано Временное революционное правительство республики Южный Вьетнам. Героическую борьбу вьетнамского народа против США поддерживали социалистические страны, все прогрессивные силы мира... Мы, молодые люди, облаченные в военную форму, конечно, в то время не могли предсказать, предугадать ход событий. Несмотря на это, мы горели желанием помочь правому делу. На третьем курсе наш взвод подал инициативу командиру роты, затем командиру батальона, что мы не против в составе взвода направиться добровольцами во Вьетнам. Через пару дней нам дали понять, что этого пока не стоит делать. Есть дела куда важнее...

О кумирах курсантов. Они, без всякого сомнения, у нас, молодых людей были. Да и не только у тех, кто носил погоны. Они были у большинства советской молодежи. Лично я зачитывался книгами из серии «Жизнь замечательных людей». На протяжении многих лет книги серии ЖЗЛ вызвали большой фурор в читательской и академической среде. Серия ЖЗЛ была ярким явлением в общественной жизни 1960–1970-х годов. Знакомство с жизнью того или иного полководца, ученого или политика во многом меня обогащало, делало в какой-то мере умнее и мудрее. Мы, молодые люди восхищались персонажами этих поистине классических книг, старались быть похожими на них.

Если говорить о кумирах сегодняшнего молодого поколения, то происходящее не выдерживает никакой критики. Кумирами для многих из них стали диктаторы, палачи, завоеватели и т. п. Но не те, кто спасал их от смерти, войны, голода и болезней. Одновременно я не снимаю вины за молодежное фиаско с людей старшего поколения. С их молчаливого согласия из нас постепенно вытравливали память, историю, души. Поэтому и немудрено, что наши современники живут в иллюзорном мире и не хотят возвращаться в реальность. Причина и в том, что в обществе делается акцент на потребление, а не на совершенствование человека как личности.

За свою жизнь мне удалось побывать во многих странах мира и пережить различные общественно-экономические формации. Удалось и зреть деяния многих вождей и политиков, которые пытались что-либо хорошее сделать для народа. Но, увы... Прошли годы, ушли в иной мир и кормчие. Для большинства из них в истории не нашлось достойного места, разве лишь за исключением анекдотов или ушатов грязи, которые по указке очередного царька выливаются на того или иного предшественника.

Небезынтересно отметить и следующее. Особенно это касается российских политиков или имущих, как нынешних, так и прошлого. Общее для них – обезьянничанье и низкопоклонство перед Западом. Были времена, когда российская знать изъяснялась только по-французски, иногда по-немецки или по-английски. Русский же, родной язык – для холопов. Цари, чиновники, писатели, артисты и им подобные лечились только за бугром. Аналогичное происходит и в современной России.

И еще. Коэффициент интеллекта (IQ) у большинства управленцев сего дня очень низкий. Они не способны вывести общество из всеохватывающего кризиса. Мы должны прийти к основополагающим критериям жизни общества, кредо которого – человек есть прежде всего социум. Людей надо делить не по уровню богатства или денег, которые, как правило, уворованные, а по уровню умственного развития, интеллекта.

Одновременно в мире тысячи непризнанных гениев, чье творчество до сих пор остается невостребованным. Будь это политология, физика или химия. Ежели бы были в жизнь реализованы все их предложения, то мир развивался совсем по другому сценарию.

Вывод из вышеупомянутого следует очень простой. Нынешний период не породил ни гениев, ни идеалов. Человек, как социальное существо, без них не может жить. Приходится лишь надеяться, что в скором будущем появится выразитель мятежного гуманистического духа современной эпохи. Появится человек нового времени, специфический литературный герой Данко, которому свойственно человеколюбие и самопожертвование во имя благих идей и целей...

И снова об училище. НВВПОУ – было и остается для меня настоящей и серьезной школой жизни. Занятия, стрельбы, вождения, полевые выходы и очень многое другое делало жизнь курсанта скоротечной и одновременно интересной. Четыре года пролетели очень быстро. За это время мы узнали друг друга, приобрели друзей. Многие из них остаются в моей памяти до сих пор. К сожалению, были и подлецы. Таких были единицы, но они были. За два дня до окончания государственных экзаменов у меня украли записную книжку, которую я вел четыре года. В ней были кратко законспектированы ленинские работы, решения партии и правительства, а также важные приказы и директивы военного ведомства. Была здесь информация и о вероятном противнике. Это был титанический труд, размещенный на 150 страницах. Книга лежала в моей тумбочке, другого места для личных вещей у курсанта не было...

Окончил я училище неплохо. По всем предметам было только

«хорошо» и «отлично». В июле 1972 года состоялся второй выпуск офицеров-политработников. К числу оных относился и я. Диплом об окончании училища мне вручил академик М. А. Лаврентьев, инициатор создания и первый председатель СО АН СССР. Кроме диплома и лейтенантских погонов я получил жетон офицера. Мой личный номер Л – 184032. Иногда его называют медальон смерти.

22 июля 1972 года в деревне Драгунка произошло знаменательное событие. Молодой лейтенант Владимир Коза женился на своей бывшей однокласснице. Торжество было скромное. Затем молодожены совершили свадебное путешествие на Урал, к родной тете жениха.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

НА СТРАЖЕ ЗАВОЕВАНИЙ СОЦИАЛИЗМА

Прошло почти полвека с того июльского дня, когда был зачитан Приказ Министра обороны СССР о присвоении мне первичного воинского звания «лейтенант» и названо первое место службы – Группа советских войск в Германии. Услышав это, я сначала несколько опешил. До приказа среди выпускников циркулировали разные слухи и домыслы. Определяющим был один – наш выпуск почти в полном составе отправят в Забайкальский военный округ. Причина – напряженные отношения с Китайской Народной Республикой. Я, как и мои сослуживцы, считал это решение правильным. Только поэтому многие из нас уже начали связывать начало своей службы с этим суровым краем. Одновременно я не кривил душой. Особой эйфории в очередной раз побывать на китайской границе я не испытывал. О забайкальских дырах я был не только наслышан, но и сам уже многое пощупал своими руками. Одному, да еще молодому и не женатому еще бы сошло. А если жена и дети...

Пессимизм и уныние тут же рассеивались, когда без пяти минут молодые лейтенанты говорили о плюсах службы в приграничном округе. К ним они относили нехватку офицерского состава, в первую очередь, политработников. Козыряли и тем, что широкомасштабное развертывание советских войск вдоль китайской границы, неплохая возможность для получения очередных должностей и званий. К плеяде подобных мечтателей нередко относился и я.

Предстоящая служба в ГСВГ буквально через пару минут изменила мое представление и мечты о несостоявшейся службе в Забайкалье. О самой мощной группировке советских войск я довольно часто слышал из уст курсантов, которые служили в ГДР. Никто из них ничего плохого о социалистической стране не говорил. В радужных красках они и воспроизводили армейскую жизнь. Мало того. Эта служба была не только почетной, но и очень ответственной. ГСВГ находилась в самом центре Европы и стояла ноздря в ноздрю с войсками НАТО.

Наступил сентябрь месяц. Согласно договоренности около дюжины офицеров прибыли на железнодорожный вокзал Новосибирск – Главный. Знакомый город радовал своих питомцев солнечной погодой. Местом встречи стал зал ожидания на втором этаже. Кое-кто из пассажиров улыбался, когда видел молодых офицеров в новенькой форме, за плечами и в руках которых были тяжелые тюки или баулы. В них находилась одежда военных, в зависимости от времен года или службы. От вынужденного усердия кое-кто из нас по-настоящему были в мыле. Несмотря на это, мы старались не замечать усталость. Мы здоровались, хлопали друг друга по плечам и наперебой рассказывали о новинках гражданской жизни. Прошедшее лето для германцев было очень знаменательным в их жизни. Они переженились.

Скорый поезд Новосибирск – Москва «Сибиряк» доставил нас в столицу Советского Союза рано утром. Мы сдали вещи в багажную камеру, которая переправила их на Белорусский вокзал. Дальнейший путь политработников ротного звена пролегал через приграничный город Брест, затем Польшу. Конечная остановка – Дрезден, немецкий город. Поезд отправлялся только вечером, свободного времени было достаточно.

Мы неспеша принялись рассматривать достопримечательности Москвы. Основной из них стала Красная площадь и мавзолей Ленина.

На самой главной площади страны нас остановил пожилой мужчина с небольшой плешинкой на голове, и показав удостоверение сотрудника «Воениздата», предложил нам сфотографироваться, сделать общее фото. Мы охотно согласились. Будет ли эта фотография фигурировать в каком-либо журнале или газете, офицеров мало интересовало. У каждого из них в этот момент были свои заботы и мечты. Были и общие. Никто из них до этого на Красной пло-

щади не был. Они лишь знали и видели, как на ней дважды в год проходили военные парады. Отсюда уходили в 1941 году солдаты, чтобы защитить свою родину от фашистско-немецких захватчиков. Здесь на Красной площади у Кремлевской стены покоились лучшие люди страны, и ни только. В Мавзолее покоился вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин. Каждый из офицеров прекрасно понимал, что значила эта личность для Советского Союза и для всего человечества. Все они были в приподнятом настроении. Не исключением был и бывший житель деревни Драгунка. Он то и дело вертел головой по сторонам, надеялся навсегда запечатлеть все то, что его окружало.

Путь к ленинскому саркофагу проходил по гравиевым дорожкам Александровского сада, по брусчатке Кремлевского проезда и Красной площади. Вскоре небольшая группа лейтенантов с красными околышами на фуражках остановилась перед дверьми Мавзолея. Вошли в полуосвещенный вестибюль. На стене поблескивал барельеф Государственного герба СССР. Спустились по гранитным ступеням. Внезапно наступила тишина. Свет. Ленин. Я, честно говоря, даже не ожидал, что тело Ленина так хорошо сохранилось, ведь после его смерти прошло 48 лет, почти полвека!

Затем офицеры побывали у главного поста страны – пост № 1, у входа в Мавзолей Ленина. Мы невольно залюбовались сменой почетного караула. Точно за 2 минуты 45 секунд до смены разводящий и два караульных выходят из Спасских ворот на Красную площадь. Они идут мимо гостевых трибун, мимо Братских могил героев Октября, мимо гранитных досок с именами прославленных революционеров, чей прах замурован в Кремлевской стене. Этот чарующий парад высшей воинской выправки длится 2 минуты 35 секунд. Вот медная калитка, ведущая к главному входу в Мавзолей Ленина. Отрывистый металлический лязг – карабины энергично взяты «к ноге». В наступившей тишине разводящий осторожно открывает калитку. Вскоре приставлен шаг – новые часовые стоят перед старыми. И в этот миг над Красной площадью раздается перезвон кремлевских курантов. Часовые сменяются под второй перезвон...

Особых впечатлений во время следования в поезде из Москвы до Бреста не было. Каждый занимался тем, чем хотел. Одни спали, другие переговаривались между собою. В приграничный город Брест приехали утром. Слегка покушав в привокзальном ресторане «Южный Буг», поехали в Брестскую крепость. Мемориальный комплекс

«Брестская крепость» мне очень понравился. Поднимало настроение не только память советского народа об участниках героической обороны в начале Великой Отечественной войны, но и небольшие группы ветеранов, которые то и дело сновали по комплексу. Кое-кто из них, увидев лейтенантов, улыбался или их приветствовал. Были и те, кто делился своими впечатлениями о прошедшей войне. Нам защитникам социалистического отечества радужное отношение пожилых людей очень льстило. Льстило и мне. Я считал, что мое решение стать офицером было правильным. После посещения комплекса мы вновь оказались в ресторане «Южный Буг». Немного выпили, плотно закусили. Это было своеобразное прощание с великой страной, где мы родились, где получили высшее образование.

Вечером выпускники НВВПОУ сели в поезд, идущий в сторону немецкого города Дрезден. В этот город мы прибыли на следующий день. О бывшей столице королевства Саксония я в принципе мало что знал. Зато очень многое был наслышан о картинной галерее. Она – одно из крупнейших в мире собраний живописи. Знал и о том, что многие произведения старых и новых европейских мастеров в 1945 году были спасены советскими воинами.

Было уже темно, когда мы оказались в политотделе 1-й гвардейской танковой армии. Ночь перекаптовались в небольшой комнате. Кто спал, кто кимарил. Ровно в девять утра пришел подполковник и распределил молодое пополнение по дивизиям. Мне досталась 7-я гвардейская танковая дивизия, 40-й мотострелковый полк. Бывшие однокашники тут же попрощались и разъехались по местам своей дальнейшей службы. От Дрездена до небольшого

городишка Рослау, где находился штаб соединения, я ехал поездом. По приезду сразу же представлялся заместителю начальника политического отдела дивизии. Сам начальник был в соседнем танковом полку. Седовласый подполковник тепло меня встретил и невольно заметил о том, что я первый выпускник высшего военно-политического училища в танковой дивизии.

До районного центра Бернбург, где дислоцировались мотострелки, я добрался на попутной машине. Капитан, привозивший какие-то документы в штаб дивизии, узнав о том, что я – будущий служака в его полку, предложил свои услуги. Я охотно согласился. По дороге к моему первому месту службы старший старенького ГАЗ – 69 очень коротко рассказал мне о том, чем дышал «китайский полк». Его монолог, как правило, я не перебивал. Не видел в этом необходимости. Я делал первые шаги в ГСВГ, мне как воздух была нужна информация.

В полк мы приехали к обеду. Я тепло попрощался с офицером и с двумя большими баулами двинулся в сторону дежурного по части. Оставив вещи в его комнате, сразу пошел представляться командиру части и его заместителям. Замполита полка в кабинете не оказалось. В его поиске мне помог худощавый сержант, дежурный по штабу. «Портрет» моего начальника полностью совпал с физиономией седовласого капитана, который стоял возле караульного помещения. Я строевым шагом подошел к офицеру, представился. Он тут же пригласил меня в свой кабинет. Беседа была не продолжительной, но очень богатой по содержанию. Первый батальон, в котором мне предстояло служить, лихорадило. Процветала дедовщина, проблемы были и среди офицерского состава. Начальник слегка барабанил пальцами обеих рук по столу, скорее всего сильно нервничал, когда рассказывал о заместителе командира 1-й роты по политчасти, который уже пару дней не был на службе. Причиной этому была пьянка. В третьей роте вообще не было политработника. Новенькому предстояло поднимать «целину».

После беседы с капитаном я очутился в трехэтажной казарме, где располагался 1-й мотострелковый батальон. И вновь представился, сначала офицерам управления батальона, потом командиру роты. Высокого роста армянин, который был несколько полнотелый для такой должности, обнял меня и с улыбкой произнес о том, что он очень рад прибытию комиссара. Затем слегка потер руками и с уверенностью добавил, что сейчас ему куда будет легче работать.

Теплые слова поддержки и в какой-то степени взаимопонимания меня окрылили. Я крепко пожал руку незнакомому еще мне офицеру и вновь направился в штаб полка. Заместитель командира полка по тылу, лысый подполковник во время моего представления, как и замполит полка, обещали мне место для жилья в офицерском общежитии.

Едва я поднялся на крыльцо трехэтажного особняка, как в одной из комнат раздались громкие крики и возгласы поддержки. Я сразу же врубился. В городе Мюнхене, крупнейшем городе Федеративной республики Германии проходила летняя Олимпиада. Я постучался в дверь. Она тут же открылась. Я слегка подался вперед. За небольшим столиком сидели два молодых человека и слушали по радиоприемнику трансляцию матча между сборными СССР и США в финале баскетбольного турнира XX летних Олимпийских игр. Я кивком головы поприветствовал офицеров. Затем подошел к одному из них, на голове которого был небольшой ершик волос, и спросил о свободной койке. Он тут же встал и повел меня на этаж выше и пальцем руки указал на комнату, дверь которой была слегка приоткрыта. К моему удивлению, в небольшом помещении никого не было. Жильцы появились поздно вечером, два офицера. Увидев новенького, они подошли к его кровати и крепко пожали ему руку. На этом наше знакомство закончилось. Рано утром я проснулся и направился в туалет. Невольно бросил взгляд на открытую входную дверь общежития. На ступеньках крыльца сидели вчерашние болельщики. Они вновь были при своем амплуа. Наперебой рассказывали друг другу о перипетиях поистине исторического поединка между баскетболистами двух сверхдержав. Он состоялся в ночь с 9 на 10 сентября 1972 года на арене «Руди-Зедльмайер-Халле» в Мюнхене, построенной

специально к Играм 1972 года. Золотая медаль баскетбольного турнира была последней разыгрываемой медалью спортивного соревнования. За три секунды до окончания матча советские баскетболисты забросили решающий мяч. Счет 51:50. Советскому Союзу эта победа принесла первое олимпийское золото в мужском баскетболе. Судачить о спорте у меня не было ни желания, ни времени. Через час предстояло первое знакомство с моими подчиненными...

Несколько слов о Группе советских войск в Германии. Основной задачей Группы было обеспечение защиты западных рубежей СССР от внешних угроз и сокрушение любого противника. В 1970–1980-х годах ГСВГ являлась наиболее мощным и боеспособным оперативно-стратегическим объединением Советских ВС, которое предназначалось для решения главных задач в операциях объединенных ВС государств – участников Варшавского Договора на европейском театре военных действий. Группа войск относилась к первому стратегическому эшелону (войскам прикрытия). Эта ударная наступательная группировка Советской Армии была способна при необходимости, по замыслам советских военных стратегов, нанести кинжальный танковый удар по войскам НАТО и «прошить» Западную Европу до Ла-Манша.

В ГСВГ входило несколько общевойсковых и танковых армий, воздушная армия, соединения и части родов войск, специальных войск и тыла. Войска были полностью укомплектованы и оснащены самым современным вооружением, в том числе, ядерным. Группа также являлась испытательным полигоном для проверки возможностей новейших на тот момент образцов оружия, уровня подготовки командных кадров и личного состава. В 777 военных городках, расположенных во всех землях Восточной Германии, неустанно шла боевая учеба. Только на боевое дежурство здесь каждый день заступало 14 тысяч человек, а в карауле и суточном наряде не смыкали глаз 40 тысяч солдат и офицеров.

В воздухе и на аэродромах в готовности к боевому применению находились 1400 самолетов и вертолетов, на стартовых позициях – десятки ракетных установок с ядерным оружием. Ежегодно группа в цилиндрах своих двигателей сжигала 800 тысяч тонн топлива и горюче-смазочных материалов. Каждый день, чтобы обеспечить жизнь советской военной группы, на дороги Германии выходили 14 тысяч автомобилей.

Офицеры и солдаты совершенствовали боевое мастерство в учебных центрах, на полигонах. Советские войска на территории ГДР имели 12 полигонов. Магдебургский учебный центр раскинулся на 43 тысячах гектаров и позволял проводить дивизионные учения с боевой стрельбой.

Группа советских войск в Германии, как никто и нигде, была настоящей школой мужества и дисциплинированности молодых парней. Здесь господствовал высокий уровень боевой подготовки и надежности. Сюда направляли служить лучших. Ведь солдаты и офицеры элитной группировки стояли на самом главном, западном направлении – и в случае «большой войны» должны были первыми принять бой. Служба в Германии для многих была предметом гордости и престижа. Интересно отметить, что группа войск, специфическое «государство в государстве» все делала своими руками – пекла хлеб, реставрировала музыкальные инструменты, восстанавливала знамена, испытывала новейшую технику, проводила уникальные медицинские операции, учила детей. Их численность была очень большой. В 1990 году «детская армия» в своих рядах насчитывала 90 тысяч человек, 50 тысяч, из которых – учащиеся. Они обучались в 176 школах. Каждое утро 3 тысячи автобусов доставляли их к школьному порогу. Естественно, такое количество детей и женщин требовало сильной, хорошо оснащенной, разветвленной службы гинекологии и педиатрии. Нигде в Вооруженных Силах не было столько детских и гинекологических кабинетов, отделений, роддомов. Во все времена рождаемость в группе войск в 2–2,5 раза превышала союзную. Почти по 5 тысяч новорожденных в год принимали родильные отделения Западной группы войск.

Одной из главных ударных сил ГСВГ была 1-я гвардейская танковая армия. Штаб объединения находился в г. Дрездене, войсковая часть полевая почта 08608. В его составе была и 7-я

гвардейская танковая Киевско-Берлинская ордена Ленина, дважды Краснознаменная, ордена Суворова дивизия (штаб дивизии – г. Рослау). Войсковая часть полевая почта 58391. В составе прославленного танкового соединения находился и 40-й мотострелковый полк. Несколько позже он получил почетное название «Берлинский», дислоцировался в г. Бернбург. Войсковая часть полевая почта 83060.

Пять лет моей службы в Группе советских войск пролетели как один миг. Праздностей практически не было. Исключением были отпуска. Офицеру предоставлялась в год 30-дневная «гражданка» и к этому несколько дней на проезд, туда и обратно. В итоге я имел возможность 40 дней пожить без родного личного состава.

С первого дня пребывания в действующей армии я прекрасно понимал, что никто за меня ничего делать не будет. У меня, как и у моей жены, толкачей не было. Маленькие или большие звезды на погонах мне, сыну крестьянина, с неба не свалятся. Мне предстояло, как в народе говорят, пахать, пахать и еще раз пахать. К моему удивлению, и в армии трудолюбие надо мною возобладало.

Для тех, кто служил в те времена, доподлинно известно, что ленинская комната была лицом и символом политработника, в первую очередь, ротного звена. И с этой задачей я справился успешно. Через пару месяцев «светлица» была самой лучшей в полку не только по оформлению, но и по содержанию. И не только у «китайцев», но и в дивизии, и армии.

Итог моего старта превзошел все мои ожидания. Через год моя фотография висела на доске Почета мотострелкового полка, несколько позже и на доске Почета прославленной танковой дивизии.

Мало того. Ленинскую комнату 3-й мотострелковой роты посетил член Военного совета 1-й танковой армий, начальник политического отдела. Седовласый генерал-майор оказался в моей роте не ради лучшей светлицы, он действовал по особому плану. Выполнял указания центральных органов партии. В начале 70-х годов прошлого столетия среди всевозможного начальства превалировало «модное» занятие, целью которого была работа с низами, с первичными парторганизациями. Скорее всего, основной причиной визита были неуставные взаимоотношения среди личного состава «китайского» полка. Мотострелков по этому поводу часто лихорадило. Исключением в этом плане был 1-й батальон, включая и мое подразделение. Несколько позже я узнал, что визит генерала в партийную группу был согласован с начальником политотдела дивизии. В итоге получилась довольно интересная картина, что называлось партийным собранием. В ленинской комнате сидело семь коммунистов. Четыре – из ротного звена: командир, замполит и двое взводных. Остальные – верхи: начальник политического отдела армии, звание – генерал-майор; начальник политического отдела дивизии, звание – полковник; заместитель командира мотострелкового полка по политической части, звание – майор. С отчетным докладом о работе партгруппы выступил командир взвода, лейтенант. Затем начались прения по докладу. Низы выступили все, из верхов выступил лишь генерал.

Выступление политического шефа армии мне понравилось. Я внимательно его слушал. Дивизионный и полковой начальники не только слушали высокопоставленного чиновника, но и с большим прилежанием конспектировали его ценные указания.

Внезапное пребывание генерала в моей роте впоследствии сыграло для меня положительную роль. Через некоторое время в Дрездене состоялось совещание молодых политработников 1-й танковой армии. В своем докладе уже знакомый мне генерал поделился своими впечатлениями о визите в мою роту. Высоко он оценил также и ленинскую комнату. Я стоял перед коллегами по духу несколько смущенный, но и одновременно гордый за свой вклад, который я внес в подготовку ротного «партийного» форума и оформление светлицы. В этот же день поползли слухи о моей карьере. Одни судачили, что вот-вот я получу должность заместителя командира батальона по политической части, другие «агитировали» в политотдел дивизии. К моему удивлению, ни то и ни другое я не получил.

Через два года службы в ГСВГ мне доверили выполнять важное

«правительственное задание» – участие в уборке урожая. «Битва за урожай» для военных стала уже привычным делом, они это делали почти на протяжении двух десятилетий. В простонародье довольно часто эту битву называли «целиной», на которую откомандировывались тысячи офицеров, прапорщиков и солдат. Привлекались и гражданские специалисты, «партизаны». Из Советской Армии изымалась также и многочисленная техника. Сложилась и определенная организационная структура по управлению «целинниками». По количеству округов и групп войск создавались оперативные группы, в каждой было от трех до пяти автомобильных батальонов. В батальоне, как правило, было пять рот, в составе каждой насчитывалось сто автомобилей и 120–150 человек личного состава.

«Правительственное задание» на словах звучало почетно, с некоторым пафосом, на деле же было совсем иное. Сначала о личном составе, который тысячами направлялся из-за границы на просторы Советского Союза. Как правило, офицеры всячески избегали такого назначения. По многим причинам. Первое, они не только впустую тратили свое время, но и теряли деньги. На «целине» они довольствовались лишь советскими рублями, то есть одним окладом. Немецкие марки им не платили. Второе, никто не хотел расставаться со своей семьей. Жена и дети и во время службы очень мало общались со своим мужем или отцом. Он, как правило, все время пропадал в казарме, был на учениях и в нарядах. Для солдат целина оказией не была. Они прекрасно знали, что предстоящая уборка урожая – лафа, гражданка, где можно не только филонить, но и слегка расслабиться. Еще несколько слов о подборе кадров для уборки урожая. Как правило, командиры подразделений в один миг избавлялись от своих неугодных подчиненных. Среди них были нарушители воинской дисциплины, алкоголики, сачки. Одновременно отцы-командиры избавлялись и от ненужной или неисправной техники. Часть автомашин уже во время погрузки на железнодорожные платформы «хромала».

Мое участие в «целине» было довольно длительным, с мая по ноябрь 1974 года. За это время автомобильная рота побывала в Саратовской, Кустанайской и Винницкой областях. Я не собираюсь подробно описывать все перипетии борьбы за урожай, ее содержание мало чем отличалось от моих предшественников или даже тех, кому еще предстояло заступить на целинную вахту.

О позитивах скажу очень кратко. Основная часть подчиненных добросовестно выполнила свой долг перед родиной. Многие солдаты и офицеры за ратный труд получили почетные грамоты, ценные подарки. Рота была награждена тремя Красными знаменами.

К сожалению, не обходилось и без казусов, что на языке военных означало – нарушение дисциплины. И зачинателями в этом гнусном деле, как не странно, были офицеры. Командир роты, которому до пенсии оставалось пару лет, особо себя не загружал. Одним словом, он на все и вся «забил». Ради приличия майор на разводах личного состава отмечался, и то не всегда. Как и не всегда принимал участие и в воспитательных мероприятиях среди подчиненных, которые употребляли спиртное или уваливали от службы. Основное время он проводил в разъездах или в общении с местными женщинами. Под стать ему был и его заместитель по технической части. Седовласый капитан очень редко посещал расположение роты, как и не проявлял пристального интереса и к технике, особенно поломанной. Причиной этому была его жена, которая к нему приехала. Офицер с блондинкой частенько прогуливался по улицам села или районного центра, независимо от региона нашей дислокации.

Пару слов о прапорщиках, «золотоискателях» Советской Армии. В роте их было 5 человек (старшина роты, начальник продовольственной службы, начальник медицинской службы, начальник ГСМ, начальник финансовой службы). За все время пребывания на целине большинство из них жило и действовало по «личному плану». Служба их мало интересовала. Примеров предостаточно. Начпрод, молодой мужчина высокого роста пару раз умудрился оставить

автороту без дневного рациона. Начальник ГСМ вообще однажды до парка машин не довез горючее, хотя в накладных черным по белому было написано, что его полностью отоварили. Я начал с ними разбираться. Каждый из «прапоров» юлил, отпирался. Один сказал, что продукты просто-напросто украли, когда старший машины и ее водитель были в столовой. Другой божился, что у бензовоза был неисправный кран и т. п. Обращаться в военную прокуратуру было бессмысленно, да и не до этого было. У офицера-политработника не хватало времени для всевозможных утрясок. Проблемы возникали каждый день и каждый час, независимо от времени суток или района дислокации. Утром, перед разводом я сначала проверял наличие «звездочек». Их, как правило, не хватало. Начфин почти всегда отсутствовал. Предтечей этому стала Саратовская область, первое место дислокации роты. Он познакомился с сельской продавицей, затем на пару недель исчез, потом вновь появился. Я радовался, когда на развод прибывала парочка офицеров. Ежели в строю стоял еще и ротный командир, что моя душа ликovala. Появлялась возможность передать бразды правления тому, кому определяли Уставы Советской Армии.

Уборка урожая в Урицком районе Кустанайской области для меня стала знаковой. От имени управления батальона я был представлен к награждению медалью «За трудовое отличие». Через пару дней меня вновь «наградили», на этот раз куда выше. Директор совхоза, седовласый мужчина внес существенные коррективы. Он от имени руководства и партийного комитета совхоза рекомендовал батальонному начальству представить меня к награждению орденом «Знак Почета». Командир батальона, подполковник и его заместитель по политической части, майор против этого не возражали. Мало того. Они сделали запрос на мою характеристику в Бернбург, в управление мотострелкового полка.

На некоторое время я впал в раздумье. Чем больше думал, тем в больше поддерживал инициативу местного руководителя. Он, являясь директором одного из богатых совхозов Кустанайской области, как в народе говорят, душой и телом был предан своему делу. Несмотря на засуху, хозяйство собрало неплохой урожай. Мы довольно часто встречались друг с другом, в поле или на весовой. Нравилась мне и манера обращения гражданского. Я называл его по имени и отчеству, он же всегда называл меня «комиссаром». Директор нередко был и в расположении военных автомобилистов. Вполне возможно, он знал о том, кто на самом деле управлял подразделением.

Мне было также приятно, когда директор попросил меня сопровождать машину с «остатками» нового урожая в г. Урицк, на районный элеватор. Очередная поездка прошла успешно, за исключением малого. Был очень поздний вечер, когда груженный «по самые уши» ЗИЛ – 157 покинул зерноток центральной усадьбы совхоза. В пути военные сначала некоторое время болтали. Я то и дело поглядывал на водителя, которому до дембеля оставалось всего ничего. Едва его глаза на миг закрывались, я тут же сильно кашлял или задавал очередной вопрос. Для офицеров было общеизвестно, что монотонная езда, тем более в ночное время, нередко клонила водителей ко сну. Лейтенант и сержант в эту в последнюю и в некоторой степени почетную поездку не горели желанием попасть в какую-либо передрагу, но увы, судьба распорядилась по-иному. Старший машины на некоторое время замолчал, погрузился в размышления. Причин для этого было очень много. Роте давался один день для перекура, затем погрузка на платформы и вновь очередной объект работы – уборка сахарной свеклы на Украине...

Внезапно машина резко свернула с асфальтированной дороги в левую сторону. Я мигом оторвался от дум и моментально перехватил руль управления у водителя, который слегка кимарил. Его глаза были закрыты. Грузовик сначала сильно тряхнуло, затем он несколько раз неестественно дернулся и заглох. Я тут же открыл дверцу и спрыгнул на землю. Оббежал вокруг машины – каких-либо повреждений не было. Все нормально было и с зерном. Я с облегчением вздохнул. Потом кинулся к своему напарнику. Его выражение лица чем-то напоми-

нало сфинкса из Древнего Египта: каменное изваяние лежащего льва с человеческой головой. Исключением этому были слезы, которые текли из глаз сержанта, в недалеком будущем дембеля. Дальнейшее поведение водителя меня в прямом смысле шокировало. Он быстро выскочил из кабины, и сделав небольшую пробежку, ничком упал на землю. И тут же стал рыдать. Затем несколько успокоился и стал еле слышно причитать:

– Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант, спасибо... Вы спасли мне жизнь... Вы спасли мне жизнь...

Я сначала по большому счету не вникал в слова своего подчиненного. Помогать другу другу или даже спасти товарища, попавшего в трудную ситуацию, долг не только военнослужащих, но и всех порядочных людей. Я слегка улыбнулся, подошел к лежащему и похлопал его по плечу, затем с уверенностью в голосе произнес:

– Алексей, успокойся, ты же прекрасно понимаешь, что жизнь прожить, не поле перейти... Каждому известно, что жизнь военного куда сложнее и опаснее, чем на гражданке...

Несколько панибратское отношение офицера к подчиненному в значительной степени «размочило» армейскую субординацию, официоз. Сержант приподнялся и протянул мне руку, потом с нескрываемой жалостью в голосе прошептал:

– Товарищ лейтенант, мне наш полковой молчи-молчи приказал за Вами на целине следить и обо всем ему подробно докладывать...

От неожиданной информации я опешил, однако мое замешательство было сие минутным. Слегка стиснув зубы, я протянул свою руку подчиненному и с силой притянул к себе. Затем пристально, не отрываясь, уставился на физиономию водителя. Его глаза были непонятно какого цвета. Скорее всего, причиной этому была темнота, еще господствующая на казахстанской земле. Они лишь бегали из стороны в сторону, иногда закрывались. Я тяжело вздохнул и уверенным шагом направился к машине. Сел за руль, включил зажигание. Слегка улыбнулся, мотор работал четко, без всяких перебоев.

Остаток пути до Урицка военные молчали. Сержант часто вздыхал и пристально смотрел то на лобовое стекло, то на своего соседа. Лейтенант, сидевший за рулем, с некоторой тоской вглядывался в серое полотно асфальтированной дороги, и все больше и больше погружался в мир размышлений. За час с небольшим он многое «перелопатил» в своей голове. Не отрицал, что до этой поездки он очень мало знал о своем напарнике. Да и не до бесед или раскаяния было. Текучка заедала, причем повседневный ритм жизни был очень сложный и тяжелый. Довольно часто и непредсказуемый. Я изредка бросал взгляд на рядом сидевшего «стукача». И при этом сильно сжимал зубы. Я, еще «зеленый» офицер, прекрасно знал, что в полку были два специальных работника. Один был «внутренний», работал в части. Другой – внешний, сотрудничал с немцами. Их называли по-разному: чекистами, молчи-молчи или работниками КГБ. Слышал и о том, что за хорошую работу «стукачей» премировали. Солдаты получали, как правило, отпуск, офицеры – должность или лучшее место службы.

Вторая половина очередного дня для военных автомобилистов была очень приятной, в большей мере торжественной. В расположение роты приехал директор совхоза и секретарь парткома. Они вручили отличившимся солдатам и офицерам грамоты и ценные подарки. Вечером в совхозной столовой состоялся банкет, повод этому – завершение уборки урожая. Были приглашены и офицеры-целинники. Стол для компании накрыли богатый. Гражданские вели себя прилично. Сразу же чувствовалось, что директор держал всех и вся в ежовых рукавицах. К моему сожалению, мои начальники – два майора вели себя не должным образом. Заместитель командира батальона по политической части после прощального тоста, непонятно почему,

быстро обмяк, в конце «мероприятия» вообще расслабился. Спал на краешке стола, иногда открывал глаза и что-то бормотал командным голосом себе под нос. Поведение ротного меня вообще поразило. Лысый мужчина в трусах, в руках которого был черпак, с гиканьем бегал за розовощеками женщинами, работниками кухни.

Был конец ноября, когда автомобильный батальон, сформированный на базе 7-й гвардейской танковой дивизии, прибыл в место постоянной дислокации. Лишь после того, как немецкие железнодорожники известили советских военных, что они к ним не имеют никаких претензий, я направился в штаб соединения. Считал необходимым доложить начальнику политического отдела о завершении правительственного задания. Его в кабинете не оказалось. Постучал в дверь кабинета его заместителя. Вошел и отрапортовал, что автомобильная рота прибыла. Чрезвычайных происшествий не было. Доложил и о том, что за высокие производственные показатели она была награждена тремя Красными знаменами. Подполковник, седовласый мужчина с несколько горбатым носом, мой рапорт слушать не соизволил. Он все это время рылся в большом металлическом шкафу, скорее всего, искал какую-то брошюру или бумажку. После рапорта я прямо перед столом начальника выставил три красных полотнища, каждый был с древко и в специальном кожухе. Через пару минут подполковник соизволил оторваться от важных дел. Он слегка сторбился, сел за стол, приподнял голову и еле слышно пробурчал:

– Знамена отдайте дежурному по штабу... Он в курсе дела...

И тут же стал звонить по телефону. Мне ничего не оставалось делать, как взять под козырек и выйти из кабинета...

Молва о том, что молодой политработник за уборку урожая получит орден «Знак Почета», едва я оказался в родном мне военном городке, достигла апогея. Меня то и дело спрашивали офицеры, нередко их жены, что я «натворил» на целине. Я, как правило, отнекивался или пожимал плечами. При этом вновь и вновь впадал в раздумье. Я сам видел, как командир батальона подписывал на меня представление к награде. Вместе с тем, я также прекрасно понимал, что в жизни все бывает. При этой мысли я довольно часто тускнел. Прошедшая целина для ее участников была настоящим испытанием на прочность, самовывживание. В это понятие входило не только многодневное пребывание в вагонах, предназначенных для перевозки всевозможных грузов, но и бытовые проблемы, связанные со сменой мест дислокации. Расшатывали нервную систему и правонарушения среди подчиненных, а также улаживание конфликтов с гражданским населением...

Прошел месяц, другой, третий... Ни ордена, ни медали я не получил. Вскоре я окончательно успокоился, значит, не судьба. Пропал интерес и к «орденоносцу». Несколько позже я узнал, что мою награду «переадресовали» офицеру из штаба оперативной группы ГСВГ. Этому я иногда верил, иногда нет. Ведь это были только слухи...

Мину еще один год. Моя рота имела не только звание отличной, но и была образцово показательной. Офицеры, как и солдаты, успешно справлялись со всеми задачами, которые ставили перед ними командование батальона и полка. Будь то стрельбы или вождение боевых машин. Для мотострелков почти родными были Ораниенбаумское и Акенское (г. Акен, Эльба) стрельбище. На уровне была и политическая подготовка. Не говоря уже о ленинской комнате. Довольно часто на ее базе проводились партийно-комсомольские активы батальона или полка. Нередко посещали ее и гонцы из управления дивизии. Пару раз были в ленинской комнате и немцы, представители общественных организаций г. Бернбурга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.